ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

#1-2

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
1843—1860 гг.

Greif nur hinein ins volle Menschenleben!
Ein Jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interressant.
Goethe.

I.

Sa personnalité rayonne, rechauffe, et le parfum de son âme pénètre partout, on la sent, sans la voir. Elle est comme l'air pur qui nous fait vivre et que nous ne voyons pas. Son coeur et sa vie sont aux autres.

24-го ноября 1843 года, въ свѣтлой и просторной домовой церкви Академіи Художествъ шла обѣдня: былъ престольный праздникъ—день св. Екатерины. Рядомъ съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ стоялъ отецъ мой—графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой [1]); во время обѣдни ему пришли сказать, что у него родилась дочь. „Вы, конечно, назовете ее Екатериной“,— сказалъ герцогъ и вызвался крестить младенца, но такъ какъ старшихъ, рано умершихъ сыновей отца крестилъ государь, то герцогъ нашелъ необходимымъ, чтобы отецъ и на этотъ разъ про-

[1]) Графъ Ѳ. П. Толстой (род. 1783 г.; ум. 1873 г.) былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ (1828—1859 г.) и товарищемъ президента до конца своей жизни. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго вѣка, къ которымъ относится начало воспоминаній, президентомъ Академіи былъ Максимиліанъ, герцогъ Лейхтенбергскій.—*Ред.*

силъ государя. Отецъ мой очень любилъ и уважалъ Лейхтенбергскаго, и послѣднiй, кажется, платилъ ему тѣмъ же, заходилъ къ нему по-просту; въ дѣлахъ академiи у нихъ все шло согласно и мирно. Помню я боченки мадеры и свѣжей икры, которые присылалъ намъ герцогъ къ праздникамъ; помню частые разговоры отца о его добротѣ, справедливости, честности, вслѣдствiе которыхъ образъ герцога въ моемъ раннемъ дѣтствѣ воплотился въ полнѣйшiй идеалъ, и я всегда жалѣла, что не онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Воспрiемниками моими при самомъ крещенiи были Константинъ Андреевичъ Тонъ и г-жа Кожухова.

Мать моя была изъ небогатой семьи, дочь армейскаго капитана Иванова, но выросла, или, по крайней мѣрѣ, долго жила, въ семьѣ Ахфердовыхъ, гдѣ получила нѣкоторое образованiе. Она хорошо владѣла французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, играла порядочно на фортепiано и постоянно пополняла свое образованiе серьезнымъ чтенiемъ.

Младшая сестра матери, моя тетка, оставалась у вдоваго, больного отца, а послѣ его смерти перешла жить къ старшему своему брату. И у того, и у другого, ее ровно ничему не учили, а употребляли въ видѣ прислуги. Она говорила по-нѣмецки, вслѣдствiе того, что съ отцомъ жила въ Митавѣ. Мать она потеряла еще очень маленькой; судя по тѣмъ дѣтскимъ впечатлѣнiямъ, о которыхъ мнѣ приходилось слышать отъ моей матери, бывшей гораздо старше тети, бабушка моя была чудная, кроткая и несчастная женщина. Дѣтства совсѣмъ не было у моей тети: она никогда не играла, не бѣгала, ее никто не ласкалъ; совсѣмъ крошечной она ходила за больнымъ отцомъ и, какъ могла, справлялась съ хозяйствомъ. Въ старости тетя со слезами на глазахъ разсказывала мнѣ, какое сильное впечатлѣнiе произвело на нее, когда одна посторонняя дама разъ обласкала и поцѣловала ее, какую безконечную любовь и благодарность почувствовала тетя въ душѣ къ этой чужой женщинѣ, которой никогда больше не видала.

Дядя мой Ивановъ былъ добрый, честный, но простоватый чиновникъ. Онъ былъ много старше сестеръ и былъ уже вдовцомъ, когда прiютилъ у себя младшую сестру, которая, сама еще ребенокъ, превратилась въ няньку его дочери Сони. Черезъ нѣсколько времени дядя получилъ мѣсто эконома при сумасшедшемъ домѣ и взялъ тогда къ себѣ и мою мать, уже взрослую дѣвушку. Семья зажила хорошо и весело.

— Братъ никогда не бралъ деньгами,—разсказывала объ этомъ перiодѣ своей жизни тетя;—когда онъ оставилъ это мѣсто,

то ушелъ съ пустыми руками, даже всѣ удивлялись и не вѣрили. Но домъ у насъ былъ полная чаша: бывало, къ праздникамъ и головы сахару, и лучшіе чаи, и вина, и окорока—всего понатащатъ... Гостей масса,—только, знай, со всѣмъ этимъ справляйся. И все было на моихъ рукахъ,—замѣчала тетя.

— Ну, а моя мамà чтò-жъ дѣлала?—спрашивала я.

— А мамà все книжки читала, гостей принимала,—отвѣчала тетя.

Такъ съ ранняго возраста опредѣлилась жизнь этихъ двухъ, столь непохожихъ другъ на друга, сестеръ.

Къ несчастью, дядя женился во второй разъ; мать моя была уже тогда невѣстой и вышла замужъ, не видавъ всѣхъ тѣхъ безобразій, которыя пришлось видѣть и переносить ея младшей сестрѣ, моей тетѣ.

Екатерина Павловна Иванова, невѣстка ея, была женщина капризная, вспыльчивая, избалованная; вслѣдствіе своего пребыванія въ институтѣ, она считала себя выше той среды, въ которую вошла, и потому позволяла себѣ сидѣть сложа руки и наряжаться, въ то время, какъ тётя, молоденькая сестра ея мужа несла все бремя хозяйства и уходъ за дѣтьми, крикъ которыхъ мать, по „нѣжности своихъ чувствъ“ и по „нервозности“, не могла выносить. Нервы Екатерины Павловны не мѣшали ей выдирать клочья волосъ и топтать ногами свою единственную крѣпостную дѣвушку. Въ порывѣ бѣшенства она такъ испугала разъ свою старшую, бывшую еще грудной, дочь, что та захворала. Вся отвѣтственность, весь страхъ и весь уходъ за больной дѣвочкой, которая съ этой минуты уже не поправлялась, палъ на мою тетю. По нѣсколькимъ недѣлямъ не ложась въ постель, она должна была еще заботиться, чтобы крикъ ребенка не долеталъ до гостиной или спальной. Тетя разсказывала, что съ ней былъ въ это время случай, очень удивившій ее: она пошла въ другую комнату, чтобы взять подушку и прилечь около ребенка; вдругъ на ходу она заснула и проснулась стоя, съ подушкой въ рукахъ, и не понимая, гдѣ она и чтò съ ней. Дядя въ это время потерялъ мѣсто смотрителя. Матеріальное положеніе семьи было много хуже прежняго, жалованья не хватало при безпорядочномъ образѣ жизни хозяйки, и скоро у Ивановыхъ воцарилась настоящая нужда.

Когда я родилась, мать моя уговорила тетю переѣхать къ ней и взять меня на свое попеченіе. Другой няни у меня и не было; тетя не оставляла меня съ кормилицей ни днемъ, ни ночью. Жизнь тети потекла и въ нашемъ домѣ тѣмъ же путемъ труда и самоотверженія, какъ и у брата. Правда, здѣсь не было

дикихъ сценъ, но зато было больше искушеній, и подвигъ жизни ея былъ еще труднѣе.

Родители мои жили открыто и шумно: музыкальные и танцовальные вечера смѣнялись живыми картинами и домашними спектаклями. Ставились драмы вродѣ: „Она помѣшана“, „Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ“ и „Актриса Дюмениль“, въ которыхъ мать моя, говорятъ, превосходно играла и вызывала слезы зрителей. Особенно много разсказовъ слышала я объ одномъ изъ наиболѣе удавшихся костюмированныхъ вечеровъ, когда наша большая зала была преображена въ залу средневѣкового охотничьяго зàмка. Нѣсколько нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, съ отцомъ во главѣ, работали надъ этимъ дни и ночи. Вмѣсто отдыха они плясали и пѣли; спали тутъ же на полу въ большой залѣ. Стѣны и потолки покрылись декораціями, представлявшими рѣзьбу изъ темнаго дуба; вылѣпленныя отцомъ изъ папье-маше́ головы вепрей, медвѣдей, оленей, вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ, довершали украшеніе. Родители мои встрѣчали гостей своихъ въ костюмахъ древнихъ châtelain'овъ.

Тетя не присутствовала при этихъ увеселеніяхъ; она сидѣла въ это время наверху, около моей колыбели. Но вѣдь она тогда была молода! Неужели никто никогда не вспоминалъ объ ея молодости, объ ея правѣ на жизнь? Я спросила ее какъ-то, впослѣдствіи, за нѣсколько лѣтъ до ея смерти: „Развѣ тебѣ не хотѣлось тогда идти танцовать?“ — „Нѣтъ“, — отвѣчала она. — „Развѣ же ты не любила общество, танцы? Развѣ никто не ухаживалъ за тобой?“ — „Напротивъ, до страсти любила танцовать, и ухаживали за мной, и наверхъ приходили, на колѣняхъ просили одинъ только туръ вальса сдѣлать. Были тамъ, которыми и я интересовалась...“ — „И ты ни разу не соблазнилась?“ — „Нѣтъ“. — „Но все-таки, послѣ того, чтó ты сказала, не можешь же ты утверждать, что тебѣ не хотѣлось идти?“ — „Тебя не хотѣлось оставлять, боялась, чтобы съ тобой чего-нибудь не случилось безъ меня. А ну, какъ мамка бы тебя уронила!“... Какъ это просто! До старости дожила она и никакого особеннаго достоинства не видѣла въ своихъ поступкахъ, а между тѣмъ вся ея жизнь была цѣлымъ рядомъ ежеминутныхъ мелкихъ и крупныхъ жертвъ. Такіе люди какъ будто спеціально созданы для самопожертвованія, и странно, всѣ обстоятельства ихъ жизни складываются, всѣ окружающіе ихъ стремятся, чтобы требовать отъ нихъ этихъ жертвъ, какъ чего-то должнаго.

Такъ всю жизнь, до самой смерти было и съ тетей: никому не приходило въ голову, что „Катенька“ — тоже человѣкъ, что „Ка-

теньке“ требуется тоже какая-нибудь личная жизнь, что у „Катеньки“ тоже могутъ быть какія-нибудь желанія! Безъ нея никто существовать не могъ, безъ нея никто не обходился, ея помощь требовалась, ежели нужно, но объ ея нуждахъ никто не думалъ, и надо правду сказать,—она сама менѣе всѣхъ. Съ машиной обращаются лучше: ее иногда смазываютъ, чтобы она легче шла, но, должно быть, здѣсь и не требовалось подливать масла: живая машина шла себѣ шестьдесятъ лѣтъ своею прямою дорогой добра, безъ всякаго поощренія, въ силу одной, присущей ей, высокой, неизсякаемой любви.

— Скажи, тетя, отчего ты замужъ не вышла?—допытывалась я, продолжая вышеприведенный разговоръ.

— Да такъ какъ-то,—отвѣчала она неохотно.—Одинъ разъ...

— Правда, ты любила П—ва?—перебила я ее.

— Да, любила... Вотъ, Катенька, я тебѣ скажу, когда я испытала силу молитвы. Хоть мы и не говорили объ этомъ, но я знала, что и онъ меня любитъ, и ожидала, что онъ посватается... Вдругъ приходятъ мнѣ сказать, что онъ женится... Когда я услышала объ этомъ, я думала, что умру,—все во мнѣ перевернулось; казалось, вынести такую боль невозможно... Что̀ дѣлать?.. Побѣжала я, знаешь, въ Грушину комнату, бросилась на полъ передъ образомъ Спасителя и такъ молилась, такъ горько молилась... И что̀ бы ты думала? Точно отлетѣло все, и когда я встала, ужъ я его больше не любила. И такой покой былъ на душѣ! Я пошла внизъ спокойная, поздравила его и сказала, что желаю ему счастья.

— Какъ онъ могъ такъ поступить съ тобой?

— Что-жъ! она была образованнѣе и красивѣе меня и музыкантша...

— Все-таки онъ твоимъ другомъ остался?

— Да, только я не объ этомъ хотѣла тебѣ разсказать... Вотъ кого я очень, очень любила, и онъ глубоко былъ привязанъ ко мнѣ, мы такъ во всемъ съ нимъ сходились, это Ш—нъ...

— Ш—нъ!?

— Ты этого не подозрѣвала, потому что онъ послѣ этого совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить... Это на дачѣ было; я знала, что онъ посватается, я такъ ждала... Онъ и просилъ моей руки, но...

Я замолчала, раскаявшись, что растревожила эти старыя воспоминанія.

Когда мнѣ было два года, родители мои уѣхали на годъ за границу и оставили меня на рукахъ тети. Какъ нарочно, я захворала въ эту зиму дизентеріей и сто̀ила ей, бѣдной, много слезъ и безсонныхъ ночей. Заботамъ старика-доктора, по мнѣнію

тети, а вѣрнѣе, ея собственному неустанному уходу обязана я была жизнью.

Въ отсутствіе моихъ родителей тетя вела жизнь очень тихую и принимала, кромѣ родныхъ, только самыхъ близкихъ ей людей, служащихъ въ академіи: г.г. Соколова, Полякова, братьевъ Поповыхъ, Ухтомскаго и еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые навсегда остались ея искренними друзьями. Въ это время профессоръ Шамшинъ написалъ мой портретъ съ вѣнкомъ васильковъ въ рукахъ [1]). Краски этого портрета замѣчательно хорошо сохранились до сихъ поръ; письмо картины не отличается той бойкостью, къ которой мы привыкли теперь, но выраженіе дѣтской головки вѣрно схвачено: въ широко раскрытыхъ голубыхъ глазахъ переданъ тотъ полуудивленный, пытливый взглядъ, которымъ маленькія дѣти какъ будто хотятъ понять еще мало знакомый имъ міръ; а между полуоткрытыхъ губокъ виднѣется алый язычокъ. Чтобы заставить меня сидѣть смирно, тетя держала передо мной привязанную на ниткѣ муху.

У меня осталось отъ этого періода моей жизни одно необъясненное никѣмъ, но живое воспоминаніе: мнѣ все ясно представляется ярко освѣщенная бѣлая дверь, на которую я смотрю снизу. Такая дверь было именно въ комнатѣ, занимаемой нами съ тетей до возвращенія моихъ родителей; но какое событіе обратило на нее столь сильное мое вниманіе,—это осталось покрыто неизвѣстностью. Достоевскій говоритъ о такихъ фактахъ, когда главное событіе исчезаетъ изъ памяти, но навѣки остается какая-нибудь пустяшная подробность, его сопровождавшая.

Слѣдующее мое дѣтское воспоминаніе относится къ пріѣзду нашихъ изъ-за границы: я помню, что тетя хотѣла передать меня кому-то съ рукъ на руки, но я цѣплялась за нее, и она вынесла меня въ гостиную, куда въ эту минуту вошла дама въ черномъ и упала ницъ передъ образомъ. Эта дама была моя мать. Говорятъ, я очень боялась отца, пока онъ не сбрилъ бороды, которую отростилъ себѣ за-границей; это понятно, такъ какъ тогда никто не носилъ бороды, и я помню, что гораздо позже, когда мнѣ было лѣтъ шесть, я страшно испугалась господина съ бородою.

По пріѣздѣ моихъ родителей, тихая жизнь тети измѣнилась; старичка доктора замѣнили болѣе моднымъ врачомъ, ко мнѣ взяли разбитную няньку Варвару, которая моментально стала для меня ненавистной. „Няня, поди прочь!“—кричала я, какъ только она появлялась въ дѣтской. „Я здѣсь, батюшка“,—отвѣчала она, при-

---

[1]) Портретъ этотъ находится въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ.

водя меня такимъ отвѣтомъ въ еще бо̀льшую ярость. Я настояла на своемъ: няньку перевели на другую должность, а меня попрежнему укладывала спать моя дорогая тетя и попрежнему баюкала своими нѣжными пѣсенками.

До четырехлѣтняго возраста мои воспоминанія очень туманны, кромѣ упомянутыхъ: бѣлой двери и пріѣзда родителей; изъ этого тумана неясно выплываетъ какая-то аллея съ массой желтыхъ лилій, какіе-то барашки и собака Арапка; потомъ о̀бразы становятся яснѣе, хотя все еще являются мнѣ отдѣльными картинами, ярко выступающими изъ пустого пространства. Одно событіе рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти: это—день рожденія моей сестры, мнѣ шелъ тогда пятый годъ. За нѣсколько времени передъ рожденіемъ сестры Ольги, мама̀ привела меня въ свою комнату и сказала: „Помолись со мной, чтобы у тебя родился братецъ“. Я сейчасъ же стала на колѣни и громко помолилась, чтобы у меня родилась сестра. Мысль, что у насъ можетъ родиться мальчикъ, сдѣлалась почему-то настоящимъ кошмаромъ для меня.—И вотъ, разъ подъ вечеръ, я играла наверху въ своей дѣтской, когда вошла тетя, взяла меня на руки, и сказала, что у меня родилась сестра, что можно теперь пойти къ мамѣ. Я расплакалась, крича: „Не хочу! не хочу! Неправда, вовсе не дѣвочка, навѣрное мальчикъ! Не хочу!“—и рыдала, и билась на рукахъ у тети, до самыхъ тѣхъ поръ, пока не увидала люльки и въ ней что-то бѣлое. Почему, глядя на это нѣчто, чего я даже не разсмотрѣла, я вдругъ убѣдилась, что это сестра, а не братъ, моментально успокоилась и обрадовалась — трудно объяснить,—это ужъ какая-то своя дѣтская логика.

Вскорѣ послѣ рожденія сестры, меня разлучили съ очень любимою мною кузиной моей Оленькой, той самой, которую вынянчила тетя. Такъ какъ ея падучая болѣзнь усилилась, то ее перестали пускать ко мнѣ, но мы никогда не забывали другъ друга и посылали другъ другу черезъ тетю разныя бездѣлушки. Одинъ изъ ея подарковъ сохранился до сихъ поръ. Сколько впечатлѣній, сколько радости и горя легло надъ этими неясными воспоминаніями, а между тѣмъ какіе-то цвѣточки въ какомъ-то орѣшкѣ трогаютъ меня всякій разъ, какъ я взгляну на нихъ. Зачѣмъ я не могла сберечь и наше любимое красное кожаное вольтеровское кресло, какъ сберегла орѣшекъ моей бѣдной Оленьки! Мой экипажъ, мой домъ, моя лодка и постель, оно представляется мнѣ живымъ участникомъ всѣхъ моихъ игръ.

Съ ранняго дѣтства я имѣла свойство привязываться къ мѣстамъ, вещамъ и относиться къ нимъ какъ къ одушевлен-

нымъ предметамъ; это заставляло меня въ дѣтствѣ очень беречь свои игрушки, положительно страдать, когда онѣ ломались. Чѣмъ старѣе становилась игрушка, тѣмъ больше я ее любила. Меня иногда упрекали, что я не отдавала старыхъ игрушекъ бѣднымъ, но я не могла разставаться съ ними, мнѣ это представлялось какимъ-то предательствомъ по отношенію къ нимъ. Въ моихъ шкапахъ годами скоплялись игрушки и вещички: всѣ стояли въ обстановкѣ, которая мнѣ казалась для нихъ подходящей и пріятной; великое чувствовала я удовольствіе, когда, взгромоздившись на стулъ, чтобы достать верхнія полки, я сознавала, что все въ порядкѣ и всѣмъ моимъ вещамъ живется хорошо.

Все лучшее въ моемъ дѣтствѣ связывается у меня съ воспоминаніями о нашей квартирѣ въ академіи и о какихъ-нибудь вещахъ или уголкахъ въ ней. Стòитъ мнѣ только подумать о моемъ дѣтствѣ, какъ квартира эта является предо мной во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ; я часто вижу ее во снѣ, и тогда просыпаюсь съ печальнымъ и вмѣстѣ необыкновенно сладкимъ чувствомъ.

Дѣтская наша помѣщалась на антресоляхъ и состояла изъ одной очень большой комнаты и другой нѣсколько меньшей; изъ послѣдней деревянная лѣстница спускалась въ длинную, смежную съ залой, комнату, гдѣ стоялъ, окруженный цвѣтами бюстъ моего отца. Наверху лѣстницы были деревянныя перила, за ними большая лежанка, а между лежанкой и перилами мое любимое мѣстечко. Тамъ я часто играла, тамъ наблюдала, какъ на святкахъ горничныя или барышни изъ гостей гадали: жгли бумагу или топили воскъ; какъ по воскресеньямъ, передъ пріѣздомъ гостей, приготовлялись тетей закуски и раскладывались на подносы печенья и фрукты. Почему-то я особенно хорошо себя чувствовала въ эти послѣобѣденные часы по воскресеньямъ.

Не ожиданіе гостей радовало меня, а именно время всякихъ приготовленій передъ ихъ приходомъ. Какъ любила я въ это время нашу большую залу, ярко освѣщенную, съ ея блестящими бѣлыми статуями! На цыпочкахъ проходила я рядомъ прибранныхъ, будто чего-то ожидающихъ комнатъ, и изъ таинственнаго полумрака голубой гостиной возвращалась къ свѣту сверкавшей залы. Все мнѣ казалось какимъ-то особеннымъ, чуднымъ, и это впечатлѣніе еще усиливалось страхомъ, что вотъ кто-нибудь позвонитъ, все мое очарованіе исчезнетъ, и я принуждена буду спасаться бѣгствомъ отъ гостей; къ послѣднимъ я выходила нéхотя, конфузилась, когда мамаша представляла меня имъ, упорно молчала, заставляя иногда спрашивать: „не проглотила ли я

язычокъ?"—и наконецъ водворялась подъ охрану тети, къ чайному столу. Тамъ, въ болѣе интимномъ кругу, я шалила и болтала какъ сорока.

Сама лѣстница, о которой я только-что говорила, играетъ также большую роль въ моихъ воспоминаніяхъ: по ея периламъ скользила я внизъ, съ ея нижнихъ ступенекъ училась прыгать, по ней летѣла разъ внизъ головой, прижимая къ груди какого-то зайчика, сидя на ней смотрѣла на фехтованіе отца. Это зрѣлище было очень мучительно для меня, ибо я принимала фехтованіе за настоящее сраженіе, и частыя повторенія его нисколько не убѣждали меня въ его безопасности. Я садилась нарочно повыше, ибо и за себя страшно боялась, но никогда не позволяла увести себя, продолжала сидѣть, прижавшись къ периламъ, и слѣдить съ замираніемъ сердца и трепетомъ за каждымъ ударомъ, направленнымъ противъ отца. Это состояніе имѣло что-то мучительное и вмѣстѣ притягательное для меня. Когда ученикъ и партнеръ моего отца Лялинъ, показывая на язвы, оставшіяся на его лицѣ послѣ оспы, говорилъ мнѣ, что это сдѣлалъ мой папа своей рапирой, я безсердечно радовалась этому.

Въ нашей дѣтской стоялъ старый виртовскій рояль, который я очень любила, тѣмъ болѣе, что я считала его обиженнымъ, съ тѣхъ поръ какъ въ залѣ появился новый, красивый инструментъ. Тетя, по вечерамъ, играла и пѣла намъ, и я помню, какъ разъ горько расплакалась, потому что „отъ козлика остались ножки да рожки". Тетю никогда не учили пѣть, но у нея былъ сильный, пріятный сопрано и такъ много чувства, что ея пѣніе, не только въ дѣтствѣ, но и впослѣдствіи доставляло мнѣ большое наслажденіе. Когда тетя по вечерамъ садилась за рояль, горлицы, которыя жили въ нашей комнатѣ на свободѣ, садились на плечи тети, даже на ея руки. Спѣвъ намъ нѣсколько пѣсенокъ и старинныхъ романсовъ, тетя заставляла меня убирать игрушки въ шкапчикъ, и такъ пріучила меня къ этому, что я не могла заснуть, не приведя у себя все въ порядокъ. Раздѣвши меня, она ставила меня въ постелькѣ на колѣни, а я лепетала: „Господи помилуй папу и маму, младенца Екатерину и всѣхъ", крестила свою подушку и „сворачивалась калачикомъ", тетя закрывала меня, цѣловала, крестила, садилась возлѣ меня, и я засыпала, держа ручонкой ея руку. Иногда меня оставляли довольно поздно въ гостиной; я тогда забиралась на кресло за спину отца и сладко засыпала; до сихъ поръ, вспоминая объ этомъ, я будто ощущаю, какъ уютно и хорошо мнѣ было тогда за папиной спиной. Часто тетѣ приходилось

сонную уносить меня наверхъ. Въ сумерки, когда было еще рано зажигать свѣчи, я любила, поставивъ на диванъ большую подушку ребромъ и сѣвъ на нее такъ, чтобы ея концы загибались на меня (я называла это „сидѣть въ облакахъ“), слушать разсказы тети о томъ, „какъ она была маленькая“ и объ „Терезинькѣ“. Этотъ послѣдній разсказъ, слышанный мною несчетное множество разъ, никогда не надоѣдалъ мнѣ; я такъ знала его, что поправляла тетю, когда она переставляла какое-нибудь слово, но все вновь и вновь заставляла повторять эту любимую исторію. Я хорошо помню этотъ разсказъ, гдѣ играли роль пастушка Терезинька и пастушокъ Рудольфъ. Они пасли свои стада, дѣлили завтракъ, спускались вмѣстѣ къ ручью, чтобы напиться, онъ отыскалъ ей пропавшаго барашка, о которомъ она плакала,— однимъ словомъ, это была самая незатѣйливая идиллія, но весь разсказъ былъ проникнутъ такой поэзіей и свѣжестью, такой любовью къ природѣ, что вся душа тети отражалась въ этихъ простыхъ, ею самой придуманныхъ, картинкахъ.

Часто вижу я себя въ одномъ изъ тѣхъ темныхъ уголковъ, гдѣ ютилась дорогая охранительница моего дѣтства (для нея всегда недоставало комнаты). Въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ уголкѣ всегда было особенно уютно и хорошо. Освѣщается уголокъ изъ какого-нибудь окна въ корридорѣ, или свѣтомъ, проходящимъ изъ другой комнаты надъ перегородкой (какъ было въ академіи), и поэтому въ немъ царствуетъ полумракъ. На столѣ чистенькая скатерть, стоятъ булочки и дымится кофе, удивительно вкусный кофе! На сундукѣ, около стола, сидитъ моя двоюродная сестра Сонечка. Это дочь дяди Андрея, брата тети, работница, замѣнившая послѣднюю въ домѣ мачихи; она замучена, болѣзненна, съ вѣчно подвязанной щекой; въ гостиную къ намъ она рѣдко ходитъ, но тетя любитъ и жалѣетъ это несчастное и доброе существо. Сонечка монотонно, полушопотомъ изливаетъ свои обиды, а тетя хлопочетъ около кофе и вставляетъ иногда тихое слово утѣшенія. Я сижу на скамейкѣ, положивъ голову на колѣни двоюродной сестры, и жду угощенія, которое кажется мнѣ особенно вкуснымъ, потому что оно не своевременно и не входитъ въ обыкновенную программу дня; въ рукахъ у меня зайчикъ или собачка, подарокъ Сонечки. Гдѣ взяла она, бѣдная, денегъ, чтобы купить его? Навѣрное лишила себя необходимаго, чтобы доставить радость ребенку. Въ то время я не думаю объ этомъ, конечно, но дѣтское сердце мое чуетъ любовь, и никакія изъ моихъ роскошныхъ игрушекъ не нравятся мнѣ такъ, какъ простенькія вещи, подаренныя Сонечкой или тетей. Безконечно

хорошо мнѣ тамъ на скамеечкѣ между ними двумя! Несмотря на горе, есть что-то тихое и мирное между ними, что-то хорошее, любовное... „Тетенька, вы — *все* для меня“, — говоритъ Сонечка, уходя. Все была она и для меня: ничьи ласки не могли замѣнить мнѣ ея ласкъ, ничей уходъ не могъ замѣнить ея нѣжныя заботы. Одинъ только разъ я разставалась съ ней, это было во время одной изъ моихъ довольно частыхъ болѣзней. Тетя должна была уѣхать на нѣсколько дней въ Митаву, гдѣ у нея умерла какая-то родственница. Меня окружали все люди, которыхъ я любила: прекрасная сестра милосердія, пожилая дѣвушка Аннушка, которая съ безконечной нѣжностью ходила за мной, и моя гувернантка m-me Levelle, которая души во мнѣ не чаяла, но я томилась по тетѣ, и никогда не забуду той безумной радости, которую я испытала, когда она вернулась, того тихаго счастья, которое наполняло меня всю, когда она цѣлые дни проводила, не отходя отъ моей постели, вывязывая моей куклѣ крошечные фильдекосовые чулочки. Во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ моего дѣтства вижу я передъ собой ея любящее лицо, на которомъ отражаются всѣ эти скорби и радости.

II.

Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію — были.
Жуковскій.

Тетя Катя была любима всѣми служащими у насъ въ домѣ, но вполнѣ оцѣнивала ее m-me Levelle, гувернантка, поступившая къ намъ, когда мнѣ было лѣтъ шесть; ей былъ вполнѣ ясенъ высокій нравственный образъ тети, она глубоко сочувствовала ей, жалѣла ее, даже сердилась на ея многотерпѣніе.

Раньше у меня было нѣсколько гувернантокъ, или боннъ, которыхъ я совсѣмъ не желала знать. M-me Levelle я встрѣтила крайне недружелюбно, помню даже укусила ее въ первый же день, но скоро сильно привязалась къ ней. Это была такая же самоотверженная и любвеобильная натура, какъ и тетя, но характеры у нихъ были совершенно различные: у m-me Levelle не было и тѣни кротости, она была вся огонь и пламя. Она не могла выносить сдѣланной кому-нибудь несправедливости, моментально ополчалась въ защиту, налетала какъ вихрь на обид-

чика, кто бы онъ ни былъ, рѣзала правду въ глаза. Правдивѣе, честнѣе, прямолинейнѣе человѣка я не видала на свѣтѣ. Какъ всегда бываетъ съ горячими людьми, m-me Levelle въ пылу говорила много лишняго и потомъ чувствовала себя неловко, хотя по существу дѣла была права.

Эта женщина положительно жила со мной одной жизнью; она не снисходила ко мнѣ, какъ старшая, а была со мной какъ съ равной: если она играла со мной въ карты или бирюльки, она сама заинтересовывалась игрой и искренно желала выиграть; она разсказывала мнѣ всѣ свои дѣла, сообщала всѣ свои горести и радости, читала письма своей единственной, разлученной съ ней дочери; всякій мой дурной поступокъ искренно и глубоко огорчалъ ее; однимъ словомъ, я чувствовала, что въ ея отношеніяхъ ко мнѣ ничего не было „нарочнаго", а все было „всамдѣлишное", и поэтому я никогда не скучала съ нею, съ своей стороны, была съ ней вполнѣ откровенна, принимала къ сердцу ея интересы, сочувствовала ея филиппикамъ противъ несправедливости (когда онѣ не были направлены противъ меня, конечно) и любила ее всей душой. Я была также вспыльчива, какъ и m-me Levelle, поэтому мы съ ней страшно ссорились, сладостно мирились и жили, все-таки, что называется, душа въ душу.

Много читала мнѣ m-me Левель и такъ избаловала меня, что я, одно время, не могла засыпать вечеромъ иначе какъ подъ ея чтеніе. Большею частью это были мои любимыя дѣтскія книжки: сказки Перро, „La poupée bien élévée", „Les enfants célèbres", „Le théatre de Berquin", „M-me Amable Tastue", „Les contes du chanoine Schmidt" и т. д., но иногда она читала вслухъ и такія книги, которыя интересовали ее лично, и главное, газету „Indépendance Belge". Газетныя статьи казались мнѣ особенно скучными, но я вполнѣ понимала, что надо же m-me Levelle хоть когда-нибудь и *свои книжки* почитать, а такъ какъ мнѣ нравился самый процессъ слушанья, то я поэтому не противилась, тѣмъ болѣе, что обыкновенно въ это время что-нибудь раскрашивала или вырѣзывала; мнѣ становилось даже интересно въ тѣхъ случаяхъ, когда m-me Levelle, со свойственной ей живостью, ударяя съ досадой рукой по газетѣ, начинала упрекать дипломатовъ и политиковъ во лжи, горячо восклицая: „Eh' que ne peuvent ils vivre en paix ces gens là! [1]).

Свою давно покинутую родину пылкая француженка страстно

[1]) „Развѣ эти люди не могутъ жить мирно".

любила, и когда своимъ старческимъ голосомъ она напѣвала мнѣ: „Ce doux pays de France“, по ея лицу съ довольно грубыми чертами катились слезы. M-me Левель благоговѣла передъ моимъ отцомъ. Такого добраго и обаятельнаго человѣка, какъ мой отецъ, не могла не любить и тетя, и всѣ домашніе, но они его любили именно какъ прекраснаго человѣка; моя же гувернантка, кромѣ того, глубоко цѣнила въ немъ художника, энергическаго труженика, а главное, единственнаго человѣка, который соотвѣтствовалъ ея идеалу честности и правды. Ей хотѣлось, чтобы и я вполнѣ оцѣнила его, и она постоянно говорила мнѣ о немъ, обращала мое вниманіе на каждое его слово и на каждый его поступокъ, разъясняя, сколько было въ нихъ простоты, терпимости, высоты мысли и вмѣстѣ скромности, сколько любви къ свободѣ и истинѣ. Все это говорилось не въ видѣ рѣчей съ моралью на концѣ, а урывками, отрывочными, но сильными, горячими фразами, которыя западали мнѣ въ душу. Я сама страстно любила отца, но слова m-me Левель какъ будто разъясняли мнѣ его, дѣлали еще дороже, а вмѣстѣ и тѣснѣе сближали меня съ моей наставницей.

Другой общей нашей любовью была природа; мы были очень счастливы съ m-me Левель на нашей дачѣ въ Финляндіи и, весною, заранѣе радовались мысли, какъ мы съ ней будемъ собирать „les petits fruits rouges“ (бруснику) въ нашихъ густыхъ сосновыхъ лѣсахъ. Надо было бы написать цѣлый томъ, чтобы изобразить исторію всѣхъ нашихъ любимцевъ изъ міра четвероногихъ и пернатыхъ. Войдя въ нашъ домъ, m-me Левель привезла съ собой ручную канарейку, которая нѣсколько лѣтъ утѣшала насъ своими фокусами и, къ нашему большому горю, издохла наконецъ на рукахъ у своей плачущей хозяйки; бывали у насъ и морскія свинки, и бѣлки, и горлицы, но большею частью наши любимцы были „униженные и оскорбленные“, подобранные на улицѣ щенки и котята, вывалившіеся изъ гнѣзда во время бури птенчики; послѣднихъ мы часто лечили, выращивали и такъ приручали, что потомъ въ густомъ лѣсу они прилетали откуда-то на нашъ зовъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ. Иногда мы съ m-me Левель ревновали другъ къ другу нашихъ звѣрьковъ.

Мое сердце трепетно билось отъ радости, когда мы весной сворачивали съ большой дороги въ березовую аллейку и въѣзжали въ широкій, усыпанный гравіемъ дворъ нашей дачи около Выборга, но не менѣе радостно замирало оно, когда мы осенью подъѣзжали къ моей милой академіи. Мнѣ и тамъ, и тутъ жилось хорошо; и тамъ, и тутъ были свои радости. Въ нашей

городской квартирѣ каждый уголъ былъ мнѣ дорогъ; меня ждали здѣсь оставленные шкапы съ книгами и игрушками, веселая бѣготня по большой залѣ, кабинетъ отца. О, этотъ кабинетъ! Это былъ не кабинетъ, а цѣлый музей! Чего, чего въ немъ только не было! По стѣнамъ громадной залы со сводами и широкими окнами съ видомъ на Неву тянулись шкапы богатой библіотеки, на нихъ—всевозможные гипсовые слѣпки: мелкія статуи отца, лошадки барона Клодта и какія-то прелестныя фигурки играющихъ, пляшущихъ и смѣющихся дѣтей и пр.; между шкапами висѣли коллекціи бабочекъ и насѣкомыхъ. На длинныхъ столахъ, составленныхъ вмѣстѣ и раздѣляющихъ комнату надвое, были мраморныя и бронзовыя статуэтки, подвижная фигура рыцаря въ полномъ вооруженіи, образчики мозаикъ, стеклянныхъ работъ, собраніе монетъ, разныхъ рѣдкостей, медали отца, инструменты, начатыя работы; изъ-подъ стеклянныхъ колпаковъ блестѣли своими металлическими перьями чучелы колибри и oiseaux-mouches... Всѣ ящики столовъ и шкаповъ были наполнены рисунками и гравюрами. Въ глубинѣ кабинета стоялъ большой мраморный бюстъ императора Николая, заказанный имъ, но не взятый, такъ какъ показался ему похожимъ на памятникъ. „Что ты заранѣе хоронишь меня?“—сказалъ онъ по этому поводу моему отцу. Впослѣдствіи бюстъ этотъ былъ купленъ Орловой-Денисовой. Тутъ же были бронзовыя, довольно большія модели воротъ для храма Спасителя въ Москвѣ, большая модель военнаго корабля... и перечесть трудно все, что̀ десятками лѣтъ скоплялось въ этомъ хранилищѣ! Для насъ, дѣтей, это былъ волшебный міръ, настоящій Эльдорадо. Сидя гдѣ-нибудь на полу, мы вытаскивали изъ разныхъ угловъ цѣлыя массы самыхъ интересныхъ для насъ предметовъ и всякій разъ открывали что-нибудь новенькое: то старинныя карты, принадлежавшія какой-нибудь прабабушкѣ, то кастэтъ или фокусный ящикъ, выточенный изъ дерева когда-то самимъ отцомъ, то его заброшенный рисуночекъ... Потерянный среди всѣхъ чудесъ кабинета, стоялъ простой столикъ бѣлаго дерева; за нимъ, въ прорванномъ ватномъ халатѣ (отецъ никакъ не могъ разстаться съ нимъ и страшно разсердился, когда мама, наконецъ, потихоньку уничтожила его), съ длинной трубкой въ зубахъ, съ недопитымъ, остывшимъ стаканомъ чая, съ неизмѣннымъ перомъ или карандашомъ въ рукахъ, сидѣлъ нашъ отецъ. Наша возня никогда не мѣшала ему, и онъ отрывался отъ своей работы только чтобы улыбнуться намъ своей свѣтлой улыбкой, или, подозвавъ къ себѣ, поцѣловать наши „мордочки“.

Кромѣ удовольствій настоящей минуты, въ моемъ воображеніи уже съ осени начинали носиться образы елки и всякихъ будущихъ благъ. Съ какой интенсивностью чувства ждалась эта елка! Въ какое возбужденіе приходила я, когда срокъ приближался! Послѣдніе дни я уже ничѣмъ не могла заниматься и слонялась по комнатамъ „comme une âme en peine“, какъ выражалась моя гувернантка. Наконецъ, хотя и медленно, но наступалъ желанный день. Съ утра насъ запирали въ дѣтскую,—тамъ мы и обѣдали,—это былъ томительный, но и чудный день. Вечеромъ насъ вели ко всенощной. Пройдя, на обратномъ пути, по сумрачнымъ коридорамъ академіи, мы вступали въ темную комнату и ждали... Вдругъ открывалась передъ нами дверь въ залитую свѣтомъ залу... Но кто не помнитъ изъ своего дѣтства подобныхъ же картинъ? У насъ на елкѣ никогда не было посторонних дѣтей, но взрослые гости всѣ играли и возились съ нами. Когда било двѣнадцать часовъ, я всегда убѣгала на минуту въ дѣтскую, чтобы отъ полноты своего благодарнаго сердца помолиться, показать Богу, что я не забываю Его даже и въ минуты моего счастья.

Еще болѣе чѣмъ Рождество любила я Пасху и предшествующія ей недѣли: вербную и страстную. На вербы мы ходили съ тетей сначала на нашъ Андреевскій рынокъ, гдѣ также въ то время можно было купить качающихся на качеляхъ восковыхъ херувимовъ, а потомъ уже отправлялись въ экипажѣ „на ту сторону“, къ Гостиному Двору.

На страстной сильно занимали меня церковныя службы: потому ли, что посѣщеніе церкви сопровождало въ моемъ дѣтствѣ каждый праздникъ, потому ли, что насъ никогда не принуждали ходить въ церковь, а напротивъ, позволяли, какъ награду, или большое удовольствіе, но церковныя службы, въ особенности на страстной недѣлѣ, оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе; до сихъ поръ когда я вхожу въ храмъ Божій, я чувствую себя опять ребенкомъ и проникаюсь какимъ-то сладостнымъ умиленіемъ.

Въ пятницу или субботу, моя другая тетя, Надежда Петровна, сестра отца, которая тоже жила съ нами и была большая рукодѣльница, приносила массу шолковыхъ обрѣзковъ и нащипанную изъ нихъ корпію, и вся семья принималась за краску яицъ. На пресловутой лежанкѣ, упомянутой выше, появлялся цѣлый рядъ вкусныхъ вещей, таинственно прикрытыхъ бѣлыми салфетками.

Передъ заутреней насъ клали спать, потомъ будили, одѣвали въ бѣлыя кисейныя съ мушками платьеца, опоясывали—меня

голубымъ, а сестру розовымъ кушакомъ, и вели въ церковь, гдѣ мы въ эту ночь становились на клиросѣ. Церковь была полнымъ-полна, и всѣ женщины были въ бѣломъ.

Послѣ того, какъ крестный ходъ удалялся, въ церкви дѣлалось тихо-тихо, — все будто замирало въ ожиданіи... Вдругъ издали начинало доноситься нѣжное пѣніе, что-то радостное закрадывалось въ сердце, постепенно росло и восторженно распускалось, когда въ распахнувшихся дверяхъ храма гремѣло торжественное: „Христосъ воскресе!“ Начиналось шумное христосованіе съ знакомыми и незнакомыми, и насъ уводили домой, гдѣ на длинныхъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями, столахъ пестрѣли всякія яства, бумажные цвѣты и красныя яйца. Гостей постепенно прибавлялось, но садились мы за столъ только послѣ возвращенія отца изъ дворцовой церкви, гдѣ онъ всегда слушалъ заутреню. Христосовались мы со всѣми: со сторожами, мужиками и всякимъ, кто скажетъ намъ: „Христосъ воскресе!“ Въ то время христосовались даже на улицѣ съ незнакомыми. Этотъ праздникъ надолго оставлялъ во мнѣ радостное свѣтлое настроеніе.

Неполонъ былъ бы разсказъ о моемъ счастливомъ дѣтствѣ, еслибъ я не упомянула о моей тетѣ Надѣ и о тѣхъ безчисленныхъ радостныхъ часахъ, проведенныхъ съ ней. Тетя Надя была уже старушкой, когда я начинаю ее помнить. Жила она на „другомъ верху“, куда надо было подыматься по другой лѣстницѣ, чѣмъ на „нашъ верхъ“, по темной витой каменной лѣстницѣ. Тамъ у нея были три комнаты; двѣ занимала она, а третью—состоявшая при ней лѣтъ сорокъ горничная Аннушка (или Анна Васильевна, какъ почтительно называла ее прочая прислуга), на рукахъ которой впослѣдствіи и умерла отъ глубокой старости тетушка. Надежда Петровна вела у насъ довольно обособленную жизнь; она обѣдала и завтракала съ нами, но, кромѣ этого и торжественныхъ случаевъ, спускалась со своего верху только затѣмъ, чтобы взять у тети Кати ключъ отъ маленькаго буфетнаго шкапчика, гдѣ помѣщался граненый графинчикъ съ водкой: „Я вѣдь еще сегодня не клюкнула“, говорила она таинственно и весело нѣсколько разъ въ день. Такое частое употребленіе кюммеля, однако, нисколько не дѣйствовало на тетю и такъ же мало хмелило ее, какъ если бы она выпивала простую воду. Она была бодрая миніатюрная старушка, милая и добродушная. Ея „апартаменты“, какъ она въ шутку выражалась, представляли своего рода музей, и крайне своеобразный.

Не собирала ты камеевъ
Своею дѣвственной рукой;
Съ Венеръ-развратницъ, Прометеевъ
Взоръ отводила съ чистотой.

Ты манускриптовъ не сбирала,
Презря ихъ мудрость и года...
Коль попадались—раздирала
На четвертушечки всегда...

Картинъ ты тоже не скупала
Въ свой многосводный эрмитажъ,
Другая мысль тебѣ запала,
Въ другой ты бросилась „паражъ".

Тебя коробка поразила,
Ты новой мыслью процвѣла,
Ея всѣ формы изучила
И въ эрмитажѣ завела.

Но сердце мудреца алкало:
Любя коробку всей душой,
Тебѣ коробки стало мало,
Ты захворала пустотой...

И вдругъ, въ углу, о, случай странный,
Явилась банка предъ тобой... и т. д. [1])

Это стихотвореніе, конечно, утрируетъ: въ „эрмитажѣ" тетушки были и художественныя вещи; ей принадлежитъ та честь, что она сохранила дѣтскіе рисунки отца моего, художественныя вышиванія его матери и замѣчательныя письма его старшей сестры; но справедливо то, что тетушка преимущественно коллекціонировала коробки, банки и стклянки. Коробки она тщательно и со вкусомъ обклеивала конфектными бумажками и картинками; одинъ шкапчикъ съ ящиками былъ весь полонъ самымъ разнообразнымъ ассортиментомъ этихъ предметовъ; другой, съ полками, былъ хранилищемъ всевозможной стеклянной посуды, отъ дорогихъ старинныхъ флаконовъ до аптекарскихъ бутылочекъ включительно. Надо замѣтить, что коробки были не пусты,—въ нихъ находились богатѣйшія собранія шелковъ, крупнаго и мелкаго бисера, блестокъ, фольги, раковинъ, четокъ. Если къ тому прибавить, что комнаты были уставлены затѣйливою старинною мебелью, божницей со множествомъ образовъ и цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ орудій женскаго рукодѣлія,

[1]) Изъ шуточнаго стихотворенія, поднесеннаго тетѣ М. Ѳ. Каменскою.

то станетъ вполнѣ понятно, какъ блаженствовали мы, когда тетушка любовно раскрывала передъ нами всѣ эти сокровища, и съ какими полными руками, а то и подолами, возвращались мы къ себѣ.

Иногда въ комнатахъ тети Нади ожидало меня особенное удовольствіе, отъ котораго сконфуженно, но радостно билось мое сердце: я встрѣчала тамъ сестру мою, Марью Ѳедоровну Каменскую. Дочь первой жены моего отца, она была въ ссорѣ съ моей матерью, у насъ не бывала, а проходила къ тетѣ Надѣ прямо наверхъ, или, изрѣдка, будто крадучись, пробиралась заднимъ ходомъ въ кабинетъ отца. Я не знала причины ссоры,— знала только, что моя мамаша не любитъ Марью Ѳедоровну, но моя дѣтская душа чувствовала несправедливость, ненормальность въ томъ, что дочь тайкомъ видается съ отцомъ своимъ, и мнѣ было это больно. Я твердо была увѣрена въ душѣ, что М. Ѳ. ни въ чемъ не виновата: развѣ не цѣловалъ ее также нѣжно мой чудный отецъ? развѣ могла быть виновата эта женщина, рыдающая на его плечѣ и потомъ такъ ласково улыбающаяся мнѣ полными слезъ глазами? И какая красавица, какая веселая, умная! Какъ интересно разсказываетъ, какъ крѣпко цѣлуетъ! Я любила ее всей силой души моей, а между тѣмъ что-то сковывало меня въ ея присутствіи; мнѣ было чего-то стыдно, я какъ будто чувствовала себя изъ противнаго лагеря, я какъ будто измѣняла кому-то, находясь съ ней. Это не была боязнь, что мама разсердится на меня,—напротивъ, я была бы рада, еслибы меня бранили за М. Ѳ.,—это было инстинктивное ощущеніе какой-то вины *нашей* передъ *ними*—Каменскими. То же ощущеніе являлось у меня потомъ въ отношеніи дѣтей М. Ѳ., которыя впослѣдствіи стали довольно часто бывать у насъ. Это ощущеніе становилось у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ласковѣе были со мной М. Ѳ. и ея дѣти.

Казалось бы, что вліяніе стольких хорошихъ людей и такой радостной и свѣтлой обстановки должно было развить во мнѣ одни только добрые инстинкты, а между тѣмъ это было не такъ: хотя я была очень чутка къ чужой несправедливости и жалостлива къ чужому горю, но сама я поступала эгоистически и капризно съ тѣми, кого наиболѣе любила, и положительно жестоко—съ моей маленькой сестрёнкой, которая была фанатично, рабски и трогательно привязана ко мнѣ. Не взлюбила я ее съ самаго рожденія,—потому что она кричала и не давала мнѣ спать, а потомъ—потому, что она приставала ко мнѣ, мѣшала мнѣ даже своими нѣжностями. Въ отвѣтъ на ея ласки я

колотила ее и всячески тиранствовала надъ ней, пока не произошелъ слѣдующій случай: восьми лѣтъ я захворала брюшнымъ тифомъ, меня перевели внизъ, въ прежнюю билліардную, которая потомъ и осталась нашей дѣтской; сестру не пускали ко мнѣ, чтобы она не заразилась. Разъ, въ сумерки, никого не было въ моей комнатѣ, и какими-то неизвѣстными путями, какъ котенокъ, неслышно пробралась ко мнѣ моя сестра.

— Тятитя (Катенька), мòня къ тебѣ? — услышала я около моей постели ея робкій голосокъ. Мнѣ было скучно одной, и я великодушно помогла ей вскарабкаться на мою постель. Она принесла мнѣ какую-то только-что подаренную ей коробку оловянныхъ солдатъ (она всегда все отдавала мнѣ, а я, напротивъ, всегда строго запрещала ей трогать мои вещи). Мы немного поиграли, мнѣ было тяжело, къ тому же совсѣмъ стемнѣло, сестра забралась ко мнѣ подъ одѣяло, обвила мою шею руками, и, кажется, мы обѣ заснули. Большой переполохъ поднялся въ домѣ, когда насъ застали въ этомъ положеніи. Сестра, дѣйствительно, заболѣла послѣ этого тифомъ и была гораздо опаснѣе меня; я же въ тотъ день впала въ безсознательное состояніе и узнала о болѣзни сестры, когда уже стала выздоравливать. Мысль, что сестра заболѣла изъ-за меня, приходила мнѣ въ голову, но скоро забывалась: меня баловали и лелѣяли больше, чѣмъ когда-нибудь.

Но вотъ разъ, когда я уже была на ногахъ, мнѣ сказали, что Оля въ бреду все зоветъ меня, и что доктора велѣли привести меня къ ней. Чтò сталось со мной, когда я увидала на кровати худое, старчески сморщенное личико, со страшными черными губами, совсѣмъ не похожее на прежнюю Олю! Я стояла, пораженная. Вдругъ странные, мутные глаза остановились на мнѣ, въ нихъ блеснуло что-то, изсохшая ручонка сдѣлала слабое движеніе, запекшіяся губки сложились въ блѣдную улыбку, и изъ нихъ вылетѣло тихое, но радостное: „Тятитя!“ Невыразимый наплывъ жалости и раскаянія охватилъ меня. Я могла успокоить себя, только обѣщая тайно себѣ и Богу, что никогда, никогда не буду больше обижать ее. Хотя съ тѣхъ поръ я не прибѣгала больше къ кулачнымъ расправамъ и стала дружнѣе съ сестрой, но когда впечатлѣніе изгладилось, я опять, особенно впослѣдствіи, подъ вліяніемъ одной дѣвочки-англичанки, которая жила у насъ для практики англійскаго языка, бывала несправедлива къ сестрѣ, и моя m-me Левель часто качала головой, называя меня эгоисткой и предсказывая мнѣ, что я не буду счастлива съ такимъ „vilain caractère“.

Большимъ благомъ для меня было, что меня окружали теплою любовью прекрасные люди; это посѣяло въ мою душу все, что̀ есть въ ней добраго, но дурно было, что меня слишкомъ баловали и слишкомъ мало отъ меня требовали. Я была какъ будто центромъ, около котораго вращались всѣ эти любящіе люди, и не мудрено, что во мнѣ развивалось самомнѣніе и эгоизмъ, а отъ полнаго отсутствія выдержки являлись раздвоенность и безхарактерность: я вполнѣ сознавала, когда поступала дурно, и сильно потомъ каялась, но „не могла удержаться“—по собственному моему выраженію. Мои окружающіе не говорили мнѣ, что за все добро, которое мнѣ дѣлали, надо было и съ моей стороны чѣмъ-нибудь отплачивать; они отъ полноты души своей отдавали мнѣ свою беззавѣтную любовь, и въ той же любви находили себѣ награду. Человѣку, съ начала жизни избалованному такой любовью, трудно потомъ приходится, но еще хуже не знать такой любви: когда человѣкъ, поборовшись съ жизнью, придетъ къ пониманію, эта прежняя любовь засіяетъ передъ нимъ яркимъ, спасительнымъ маякомъ.

Тотъ, кто прочтетъ эти записки, вѣроятно, замѣтитъ, что я до сихъ поръ почти не говорила о своей матери, и, можетъ быть, подумаетъ, что она не играла большой роли въ семьѣ; на самомъ же дѣлѣ она была въ полномъ смыслѣ слова главой въ домѣ: безъ ея разрѣшенія не смѣли даже повести насъ гулять, но такъ сложились мои воспоминанія, что я ее почти совсѣмъ не помню въ ранній періодъ моего дѣтства. Отца я вижу передъ собой, какъ живого, въ каждую минуту нашей жизни: утромъ, когда мы влетаемъ, какъ ураганъ, здороваться съ нимъ, за завтракомъ и обѣдомъ, помню его манеру ѣсть, его любимыя кушанья; помню его пріемы за всякой работой, вижу его за неуклюжимъ крашенымъ мольбертомъ, за столомъ со стекломъ въ рукахъ, въ мастерской—сглаживающимъ своимъ гибкимъ пальцемъ шероховатость глины, вечеромъ—вырѣзывающимъ намъ кониковъ и санки изъ картъ или раскладывающимъ пасьянсъ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ; слышу его голосъ, когда онъ кричитъ старому унтеру Шилову: „подай трубку!“, слышу даже слова этого самаго Шилова, когда я бѣгу оповѣстить его, что папа̀ зоветъ: „совсѣмъ я старый травяной мѣшокъ сталъ“. Такъ же помнятся мнѣ и всѣ домашніе, въ ихъ ежедневной обстановкѣ и послѣдовательной жизни; мама же представляется мнѣ какъ будто сквозь какую-то дымку. Точно во снѣ, является она мнѣ безсвязно и отрывисто: то на подмосткахъ въ костюмѣ Федры, то прощающаяся съ нами передъ выѣздомъ на вечеръ,

то въ маскѣ, то съ чудными распущенными волосами... Вѣроятно, моя мать, какъ большинство тогдашнихъ дамъ, вела свѣтскую жизнь. Она могла дѣлать это тѣмъ спокойнѣе, что имѣла около дѣтей такихъ вѣрныхъ и превосходныхъ стражей, какъ тетя и m-me Левель.

III.

Visions of childhood! stay, oh, stay!
Ye were so sweet and wild!
Longfellow.

Какъ и когда я выучилась читать и писать, я рѣшительно не помню; знаю только, что въ день, когда мнѣ минуло восемь лѣтъ, мнѣ подарили нѣсколько книжекъ, между которыми меня очень заинтересовали двѣ, и которыя я тотчасъ же и прочла: „Bob l'écureuil" и „La poupée bien élevée". Послѣдняя въ особенности мнѣ такъ понравилась, что я подаренную мнѣ тутъ же куклу назвала „Lolotte", именемъ героини вышеназванной книги, и рѣшила, что я тоже буду ее воспитывать. Куклу я полюбила, потому что она была толстенькая, съ дѣтскимъ личикомъ. Со всѣми прочими моими куклами я обращалась какъ съ игрушками, раздѣвала и одѣвала ихъ, бросала по разнымъ мѣстамъ, но „Lolotte" была моя „дочка". У нея была своя комната въ углу дѣтской; комодъ ея былъ полонъ бѣлья, кроватка ея всегда оправлялась; утромъ я одѣвала свою дѣвочку, кормила ее, учила, повторяя ей свои уроки; вечеромъ укладывала ее спать, ставила ей на ночной столикъ воды, цѣловала ее и, да проститъ мнѣ Господь, крестила. Я подолгу сидѣла и разговаривала съ ней и любила ее, какъ живого человѣка.

Кажется, я прежде научилась читать и писать по-французски, чѣмъ по-русски. Русскихъ книгъ для дѣтей въ то время было очень мало; въ моей богатой французскими и англійскими книгами библіотекѣ долгое время существовали только три русскія сочиненія: „Притчи Хемницера", въ хорошенькихъ бѣлыхъ съ золотомъ переплетахъ, которыя мнѣ казались очень скучными; „Новый Емеля", подаренный мнѣ кѣмъ-то изъ прислуги, и „Иванушка" Сапожникова. Послѣдняя была хорошая дѣтская книжка. Послѣ „Иванушки" я прямо перешла на чтеніе нашихъ классиковъ. Здѣсь кстати упомянуть, какъ надо быть осторожнымъ съ дѣтскимъ чтеніемъ, и какъ писатели, желающіе преподать дѣтямъ мораль, часто наводятъ ихъ на самыя дурныя

мысли. Ко мнѣ въ руки попали двѣ дѣтскія французскія пьесы: въ первой изображалась одна дурная дѣвочка Октавѝ и двѣ добрыя дѣвочки, ея младшія сестры. Во время всего дѣйствія всѣ постоянно упрекали Октавѝ, читали ей мораль, а сестеръ все время расхваливали. Дѣвочки собирались ѣхать на рожденья къ бабушкѣ. Октавѝ въ раздраженіи мяла подарки и платья сестеръ, онѣ плакали, но мамаша приводила все въ порядокъ и увозила ихъ, оставивши горячку, въ наказаніе, одну дома. Мораль: „il ne faut pas être colère et envieuse“. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Октавѝ вышла у автора жизненна, рельефна и симпатична, а ея сестры—неестественными куклами. Со свойственной дѣтямъ способностью относиться къ прочитанному, какъ къ дѣйствительности, я горячо принимала сторону Октавѝ, понимала ее и сочувствовала ей, даже жалѣла, что не могла вмѣстѣ съ ней помять бѣлыя кисейныя платья ея деревянныхъ сестеръ, которыя такъ смирно стояли и такъ добродѣтельно выговаривали свои противные „oui, chère maman“, или—„non, chère maman“. Въ другой пьесѣ (другого автора) изображалась очень интересная и очень фантастическая барышня, которая таяла и умирала на глазахъ своей огорченной семьи. Ни родители, ни доктора, не понимали ея болѣзни. Изнеможенная, блѣдная, умирающая лежала она въ чудномъ саду, когда дѣло, наконецъ, разъяснилось: дѣвочка умирала, потому что думала, что мать любитъ младшую сестру больше, чѣмъ ее. Эта безнравственная книжка, вѣроятно вслѣдствіе описанной въ ней лживо-поэтической обстановки, имѣла на меня сильное вліяніе: я начала воображать себя такой же непонятой дѣвочкой, такъ же поэтически „jalouse“.

У насъ бывало много дѣтей на танцклассахъ и по праздникамъ: кромѣ живущихъ въ академіи, бывали дѣти Штакеншнейдеры, Висковатые, сынъ нашего доктора Геринка (позже извѣстный пѣвецъ Корсовъ), также Ѳедя Каменскій и его граціозная сестра Нюта. Но не могу сказать, чтобы я была особенно близка со всѣми этими дѣтьми, чтобы мнѣ было съ ними особенно весело. Это происходило потому, что въ планъ воспитанія моей матери не входило, чтобы они имѣли на меня какое-нибудь вліяніе, и она всегда устраивала такъ, чтобы въ нашихъ играхъ принимали участіе и взрослые. Мнѣ было пріятнѣе проводить время съ сестрой: у насъ съ ней было богатое воображеніе, у насъ были свои излюбленныя игры, въ которыхъ дѣйствіе никогда не повторялось, а всегда шло впередъ; мы часто разсказывали другъ другу, или желающимъ насъ слушать, тутъ

же сочиняемыя сказки. Въ особенности сестра была въ этомъ отношеніи неистощима, и у нея постоянно проявлялся юморъ, чего у меня не было. Она была дѣвочка смѣтливая, острая, была не прочь и подразнить,—„petite futée“, называла ее m-me Левель,—но доброты была удивительной; она готова была сейчасъ же все отдать, что̀ имѣла, чтобы доставить кому-нибудь удовольствіе.

Но самымъ любимымъ моимъ товарищемъ все-таки оставалась m-me Левель. Я еще охотно играла съ дѣтьми, когда они приходили къ намъ, или когда мы сходились въ академическомъ саду, самой же идти въ гости было мнѣ сущимъ наказаніемъ. Одинъ домъ составлялъ для меня исключеніе, это—домъ барона Клодта. Хо̀тя я позже, чѣмъ съ другими дѣтьми, познакомилась съ его дочерьми, но сошлась гораздо ближе и искреннѣе. Я помню, что въ первый разъ почувствовала къ нимъ симпатію, когда увидала ихъ въ церкви, послѣ смерти ихъ матери: онѣ были въ черномъ, съ заплаканными глазами, усердно молились, и мнѣ было ихъ очень жалко. Къ нимъ я всегда отправлялась съ большой радостью, у нихъ въ домѣ было что-то особенное, какой-то свой опредѣленный характеръ, что-то простое, уютное и содержательное. Дружнѣе всего я была съ Вѣрочкой, дѣвочкой моихъ лѣтъ, но всѣ въ этой семьѣ мнѣ нравились: и старшія дѣти, такія ласковыя съ нами, меньшими, и гувернантка ихъ, Елена Николаевна Геммеръ, которую мы попросту звали Лёленькой, а главное, самъ Петръ Карловичъ: открытое лицо его, правдивость, нѣсколько грубоватая откровенность, мягкость и доброта, сквозившая сквозь напускную рѣзкость, веселыя шутки, даже его манера приходить въ столовую en manches de chemise, все въ немъ было оригинально и привлекало меня. Онъ всегда являлся моему воображенію олицетвореніемъ настоящаго художника. Какъ живо помню я его въ его громадной мастерской на литейномъ дворѣ академіи, гдѣ копошился цѣлый міръ животныхъ, и онъ, между своими обезьянами, медвѣжатами, и живыми и изваянными, казался повелителемъ какого-то сказочнаго царства.

Не тянуло меня къ другимъ дѣтямъ еще и потому, что у меня дома былъ цѣлый свой міръ, достаточно интересный и богатый.

Должно быть, съ кровью отца унаслѣдовала я страстную любовь къ древнему міру, и воспитывалась я въ проникнутой этимъ міромъ атмосферѣ: античные статуи и бюсты, которые украшали нашу залу, галереи академіи, гдѣ я бѣгала свободно,

когда хотѣла, чудные рисунки отца къ поэмѣ „Душенька“, произведенія Флаксмана, копіи съ древнихъ урнъ и помпейскихъ фресковъ, медали отца, все это было мнѣ близкое, родное, все это входило въ мою жизнь, составляло ея элементы, всѣмъ этимъ я дышала, все это горячо любила и все это я какъ-то сливала въ одно общее съ моимъ отцомъ, который былъ для меня воплощеніемъ физической и душевной красоты.

Скульптура привлекала меня въ дѣтствѣ гораздо больше, чѣмъ живопись. Музыка также имѣла на меня сильное вліяніе; меня никогда не могли уложить спать, когда у насъ играли или пѣли, а это случалось очень и очень часто. Особенно врѣзалось мнѣ въ память пѣніе г-на Мано̀, у котораго былъ дивный теноръ (съ тэмбромъ Маріо, какъ говорили мама и тетя). Чтобы слушать его, я садилась обыкновенно въ голубой гостиной, смежной съ залой; тамъ горѣлъ одинъ только бѣлый алебастровый фонарь; необыкновенно мягкій, матовый свѣтъ его, играя на блѣдно-голубыхъ драпировкахъ, давалъ этой комнатѣ неземной, фантастическій видъ, и божественные звуки романсовъ Глинки, казалось, лились въ нее изъ какого-то невѣдомаго міра.

Самого Глинки я не помню, но много слышала о немъ отъ домашнихъ; всѣ они были отъ него въ восторгѣ и разсказывали чудеса объ его пѣніи: у него совсѣмъ не было голоса, но онъ такъ выразительно пѣлъ, такъ вкладывалъ въ пѣніе свою душу, что заставлялъ то смѣяться, то плакать слушателей. Наши говорили, что Вильбуа пѣлъ „Ночной смотръ“ и посвященную моему отцу „Virtus antiqua“ совершенно по манерѣ Глинки, и поэтому я особенно любила слушать эти двѣ пьесы. Помню я также полное энергіи и выразительности пѣніе Н. А. Рамазанова; онъ пѣлъ большею частью комическіе, полуитальянскіе, полурусскіе романсы своего сочиненія; необыкновенно живо, напр., у него выходило—сильнымъ басомъ грохоталъ исповѣдникъ: —„И ты двери отворила? Santa Trinita!“—тонкимъ сопрано отвѣчала обиженная signorina: „Что ты, padre, отворила?!... Дверь была не заперта“...

У Рамазанова была замѣчательно талантливая и богато одаренная натура. Сколько было въ немъ неподдѣльной веселости, юмору и искренности; казалось, что вся душа его была на ладонькѣ, и это было тѣмъ привлекательнѣе, что душа была прекрасная. Рамазановъ былъ горячій поклонникъ Италіи и съ любовью вспоминалъ о ней. Когда собирались къ намъ наши профессора: А. П. Брюлловъ, Бруни, Басинъ, Марковъ, Тонъ, Пименовъ и другіе, тогда воспоминаніямъ и толкамъ объ Италіи конца не было; часто даже они говорили между собой по-итальянски.

Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи рисовалась эта поэтическая страна почти такою же, какою я ее нашла въ дѣйствительности, много лѣтъ спустя: я встрѣтила всѣ эти скалинады, акведуки, розы, всѣхъ красавицъ-чёчарокъ, какъ старыхъ знакомыхъ...

Кромѣ нашихъ профессоровъ и молодежи, бывали у насъ въ это время и кое-кто изъ литераторовъ, уже кончавшихъ свое поприще; я помню Греча, Плетнева, съ которымъ отецъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, супруговъ Глинокъ и Кукольника. Послѣдній былъ очень добрый, но безхарактерный человѣкъ; онъ сдѣлалъ неудачную женитьбу и изъ веселаго собесѣдника и собутыльника сталъ мрачнымъ; наши всѣ его очень жалѣли. Несмотря на то, что онъ былъ некрасивъ собой, въ его лицѣ было что-то весьма привлекательное, какое-то безконечное добродушіе. Я слышала, что онъ былъ замѣчательный импровизаторъ; къ сожалѣнію, изъ его импровизацій сохранились только шуточныя вещи, сказанныя большею частью на̀-веселѣ.

Большой пріятель отца моего былъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Они были друзья со школьной скамьи, и, вѣроятно, эти раннія воспоминанія связывали ихъ. Ѳ. Н. былъ когда-то въ числѣ либеральной молодежи, былъ, какъ отецъ мой, масономъ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ устройствѣ ланкастерскихъ школъ и общества „зеленой книги“, былъ другомъ декабристовъ, но когда я знала его, онъ представлялъ совершенную противоположность моему отцу. Отецъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде: горячимъ защитникомъ всего свѣжаго, молодого, сочувствующимъ всякому движенію впередъ, всякому благому начинанію, съ яснымъ, широкимъ взглядомъ на вещи,—Ѳедоръ же Николаевичъ весь ушелъ въ чинопочитаніе, въ ханжество, въ мелочное обожаніе своего *я*; стихотворенія его были полны квасным патріотизмомъ, на все новое и молодое онъ нападалъ. Какъ-то разъ онъ подарилъ мнѣ медвѣдя изъ папье-маше́, въ очкахъ, пишущаго на доскѣ; къ нему было приклеено слѣдующее стихотвореніе (переписываю правописаніемъ подлинника):

Чивилизація.

Прогрессъ! прогрессъ!
И я медвѣдь, покинувъ лѣсъ
Съ *консервативною* своей берлогой
И, *съ вѣкомъ наравнѣ,* пошелъ *иной* дорогой
Въ *чивилизаціи* искать чудесъ;
И, разумѣется, я пересталъ дичиться
И захотѣлось мнѣ съ людьми сойтиться—

51*

И высмотрѣть, *что* тамъ у нихъ и *какъ*?...
Но что жъ?... Не будь ихъ чести въ томъ обида,—
И научился я у *нихъ*—курить табакъ,
А книгу, такъ себѣ, держать въ рукахъ,—*для вида*!!

Однако Ѳ. Н. не былъ желчнымъ человѣкомъ, напротивъ, онъ былъ мягкій и добрый; мы, дѣти, очень любили его; не могу того же сказать о его супругѣ, которая была дружна съ моей матерью, но которую мы терпѣть не могли. Вообще, курьезная парочка были эти супруги: оба—поэты и оба влюблены въ лиру другъ друга. Глинка былъ маленькій, черненькій, сморщенный старичокъ, съ очень добродушнымъ личикомъ; онъ всегда носилъ массу орденовъ; Щербина называлъ его ходячимъ иконостасомъ и пресерьезно увѣрялъ, что бабы къ нему прикладываются, и что Ѳ. Н. даже купается въ орденахъ: самъ онъ плыветъ на большихъ пузыряхъ, а его ордена—вокругъ на маленькихъ. Авдотья Павловна была тоже невелика ростомъ, но была дама рѣшительная и на окружающихъ смотрѣла свысока. На нее сочинялъ Щербина нескончаемые акаѳисты: „радуйся, сѣдыхъ локонъ взбиваніе! радуйся, старыхъ костей обнаженіе! радуйся, плохихъ виршей сплетеніе! радуйся, мерзкихъ книжонокъ писаніе! радуйся, мѣдныхъ пятаковъ раздаваніе! Евдокія треклятая, радуйся!“ и т. д. Дѣйствительно, ея сѣдые локоны были какъ-то особенно пышны и платье она носила, несмотря на свой преклонный возрастъ, болѣе или менѣе декольтэ, даже днемъ. Сидя за чаемъ, она брала печенье, нюхала его и, найденное достойнымъ, собирала, чтобы отнести своимъ собачкамъ, которыхъ иногда по очереди брала къ намъ въ гости. Болѣе отвратительныхъ собачонокъ трудно себѣ представить,—всѣ онѣ были маленькія, съ слезящимися глазами, избалованныя, злыя; звали ихъ: „Капля“, „Крошка“ и т. п. нѣжными, но неподходящими къ нимъ именами. Всякій гость, входящій въ квартиру Глинокъ, былъ встрѣчаемъ лаемъ, визгомъ и безсильными попытками укусить за ногу цѣлой стаи этихъ отвратительныхъ созданій, и долженъ былъ, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, находить это премилымъ. Въ гостиной Глинокъ находилась на самомъ виду витрина, гдѣ были разложены ордена Ѳ. Н.; на стѣнѣ висѣла арфа Авд. П., на которой она, кажется, довольно хорошо играла. Но интереснѣе всего было чтеніе поэмы Ѳ. Н.: „Божественная капля“; это было настоящимъ священнодѣйствіемъ. Происходило оно или на ихъ квартирѣ, или у насъ. Приглашались только достойные, „могущіе вмѣстить“. Въ залѣ устраивалось возвышенное мѣсто, на которомъ ставился столъ и

два стула рядомъ; на столѣ зажигались свѣчи, ставилась сахарная вода и самыми восторженными поклонницами съ таинственною осторожностью раскладывались фоліанты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругомъ; всѣ разсаживались заблаговременно и, предвкушая блаженство, тихо восторгались поэмой... Вдругъ всѣ смолкали, и авторъ съ женой молча всходили на свою трибуну... За симъ, неукоснительно, происходилъ слѣдующій разговоръ: „Ma chère, кто начнетъ?“—„Ты, конечно, mon cher“.—„Нѣтъ, ma chère, ты“.—„Ты, какъ авторъ, долженъ лучше читать“.—„Увѣряю тебя, ma chère, что ты гораздо лучше меня читаешь“.—Наконецъ, кто-нибудь начиналъ; и мужъ, и жена, читали совершенно одинаково: патетично, пѣвуче, монотонно. Никогда не забуду мученій, которыя доставляли мнѣ эти чтенія! А между тѣмъ я была бы очень обижена, еслибы меня избавили отъ нихъ: дѣло въ томъ, что присутствовать при чтеніи „Капли“ считалось большою честью, и меня на всѣ лады прославляли разныя дамы за то, что я удостаивалась этой чести. „Quelle admirable enfant!“ восклицала одна изъ самыхъ увлекающихся поклонницъ поэмы: „какъ она слушаетъ, еслибы вы знали! Si jeune и такъ слушаетъ!“ Я старалась, всѣмъ сердцемъ старалась оказаться на высотѣ этихъ похвалъ и дѣлала все возможное, чтобы „такъ слушать“, но продолжительное, однообразное чтеніе неотразимо клонило меня ко сну, и я, что называется, „клевала носомъ“... Я вздрагивала, съ ужасомъ озиралась: не замѣтилъ ли кто, дѣлала невѣроятное усиліе, чтобы не давать опуститься усталымъ вѣкамъ, изо всѣхъ силъ таращила свои глазенки, но все было напрасно: передо мной разстилался какой-то туманъ, комната дѣлалась большою, присутствующіе уходили куда-то въ глубину, голосъ читающаго неясно доносился изъ какой-то дали... Эта борьба со сномъ была ужасна, но еще ужаснѣе были мои угрызенія совѣсти, когда меня потомъ хвалили; я чувствовала, что своимъ молчаніемъ я лгу, а признаться было свыше силъ моихъ. Не всегда, однако, я дремала во время чтенія „Капли“,—многое изъ нея до сихъ поръ осталось у меня въ памяти. Сюжетъ поэмы былъ заимствованъ изъ апокрифическаго сказанія о бѣгствѣ пресвятой Дѣвы Маріи въ Египетъ. Преданіе это повѣствуетъ, что въ какомъ-то ущельѣ на святое Семейство напали разбойники и хотѣли умертвить всѣхъ, но одна изъ женщинъ табора остановила разбойниковъ словами: „Посмотрите, какой у этой женщины цвѣтущій и прекрасный младенецъ, а мой умираетъ отъ истощенія! Пусть она накормитъ моего ребенка!“ Пресвятая Дѣва взяла больного ребенка и при-

ложила къ своей груди: ребенокъ, глотнувъ святого молока, на глазахъ у всѣхъ исцѣлился и расцвѣлъ. Разбойники, пораженные чудомъ, отпустили путниковъ съ благодарностью. Глинка описываетъ въ своей поэмѣ параллельно жизнь Христа и разбойника и сводитъ ихъ на крестѣ, гдѣ разбойникъ, воспріявшій божественную каплю молока Богородицы, говоритъ Христу: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое!“ Мнѣ казалась скучной та часть, гдѣ Евангеліе переложено въ стихи, но мѣста, гдѣ описывалась жизнь разбойника, въ особенности гдѣ онъ бродитъ одинъ по пустынѣ въ непонятномъ для него томленіи, или когда что-то въ немъ удерживаетъ его, помимо его воли, отъ убійства, мнѣ очень нравились, а также нѣкоторыя описанія природы. Въ общемъ поэма, должно быть, была длинна и скучна, такъ какъ я никогда не засыпала, когда читали у насъ что-нибудь другое.

Впрочемъ, можетъ быть тутъ игралъ роль мой вкусъ, тогда довольно оригинально развитой, собственный вкусъ: вѣроятно, „Телемакъ“ Фенелона скученъ не менѣе поэмы Глинки, а я перечитала его нѣсколько разъ подъ-рядъ, ибо все, что касалось древняго міра, было мнѣ интересно, даже миѳологическіе словари. Можно себѣ представить, какъ я была счастлива, когда узнала, что ѣдетъ къ намъ Рашель. Я заранѣе запаслась Корнелемъ и Расиномъ и начала упиваться ими. Трудно себѣ теперь представить, но это фактъ, что я десяти лѣтъ тайкомъ до часу ночи зачитывалась этими произведеніями и до того восторгалась, что пришла въ негодованіе, когда кто-то сказалъ мнѣ, что есть еще болѣе великій писатель, котораго я еще не знаю—Шекспиръ, и я заявила, что этого быть не можетъ.

Наконецъ, меня повезли смотрѣть Рашель въ „Андромахѣ“. Спектакль этотъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь могу судить объ игрѣ этой артистки—такъ я ее живо помню. Она и теперь стоитъ передъ моими глазами: величавая, пластичная, съ трагичнымъ и страстнымъ лицомъ, съ темнымъ блескомъ глазъ, какъ античная статуя, загорѣвшаяся вдругъ пламенемъ жизни; я будто слышу ея мелодичный пѣвучій голосъ, ея сдержанный шопотъ, который громче крика раздавался по затаившей дыханіе залѣ. Молча вышла я изъ ложи и молча сѣла въ карету. Со мной сдѣлалось нѣчто, никогда еще неиспытанное: что-то спиралось въ груди, что-то рвалось изъ меня; я испытывала чувство восторга такого сильнаго, что, мнѣ казалось, оно задушитъ меня... и вотъ я разразилась истерическими рыданіями... Дома уже я перешла въ радостно восторженное со-

стояніе, стала разсказывать, говорить монологи, стараясь изобразить интонацію и жесты артистки, и долго не могла заснуть отъ волненія. Рашель я видѣла еще разъ въ „Федрѣ", и ея игра, если это возможно, еще болѣе плѣнила меня. Страшинскій нарисовалъ мнѣ тогда въ альбомъ сцену изъ „Андромахи", а отецъ подарилъ очень похожій акварельный портретъ Рашели: обѣ вещи хранятся у меня до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, у меня пропалъ автографъ знаменитой артистки: очень любезное письмо, которымъ она благодарила отца за поднесенный экземпляръ „Душеньки". Почеркъ у нея былъ мелкій, сжатый и строчки шли совсѣмъ вкось.

10-го октября 1854-го года, праздновался въ академіи 50-тилѣтній юбилей моего отца. Кромѣ чествованія отца, на этомъ актѣ должно было имѣть мѣсто событіе, тоже очень интересовавшее меня: въ первый разъ въ моей жизни женщина (Сухово-Кобылина) получала золотую медаль отъ академіи. Хотя я еще въ то время ничего не слыхала о „женскомъ вопросѣ", но инстинктивно была довольна, что женщина удостоилась такой чести, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ при звукѣ торжественнаго туша будетъ ей вручена медаль, но, къ сожалѣнію, я была нездорова и меня не пустили. Послѣ акта въ залѣ академіи былъ данъ моему отцу завтракъ, который затянулся очень долго. Время клонилось уже къ вечеру, когда намъ кто-то доложилъ, что всѣ профессора уже на̀-веселѣ и что они отца несутъ по лѣстницѣ на рукахъ; мама̀ ужасно всполошилась, увѣряя, что они непремѣнно уронятъ папу, и всѣ высыпали за двери въ коридоръ, откуда неслись неистовые крики „ура!". Однако, отца внесли въ нашу квартиру благополучно, но профессора дѣйствительно были очень красны и веселы, особенно Рамазановъ.

Кромѣ оффиціальнаго празднества въ академіи 18-го декабря, отцу былъ данъ обѣдъ художниками, литераторами и знакомыми, на которомъ и мы присутствовали. Это было вполнѣ дружеское, единодушное собраніе: все было просто, искренно и безконечно весело. Что̀ тутъ говорилось рѣчей, стихотвореній, экспромптовъ! Послѣ обѣда устроился прелестный вечеръ, гдѣ читались нашими поэтами ихъ посвященныя отцу стихотворенія, гдѣ Петровъ и его жена, бывшая прежде знаменитой пѣвицей, пѣли привѣтствія отцу, романсы Глинки и народныя пѣсни, гдѣ съ необыкновеннымъ оживленіемъ пѣлось хоромъ:

Чарочка серебряная!
Кому чару пити,
Кому выпивати?

Пити намъ Ѳеодору,
Пити свѣтъ-Петровичу,—
Наши буйныя головки преклоняются!

и гдѣ, наконецъ, многіе пошли плясать въ присядку.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ пріѣхавшій изъ Севастополя адмиралъ Рикордъ. Во время потока всевозможныхъ рѣчей, адмиралъ сказалъ: „Передъ вашей благородной, художественной семьей я опускаю свой адмиральскій флагъ, но передъ врагами отчизны—никогда“! Хотя эти слова въ ту минуту веселаго, приподнятаго настроенія вызвали взрывъ энтузіазма, выразившійся не только словами, но и дѣломъ, такъ какъ отцомъ былъ предложенъ сборъ въ пользу раненыхъ, въ которомъ всѣ присутствующіе приняли живое участіе, но въ сущности большинство нашего кружка, съ отцомъ во главѣ, было противъ войны въ принципѣ. У насъ часто разсказывались, иногда очевидцами, всѣ ужасы севастопольской кампаніи, въ душу закрадывалось сожалѣніе и негодованіе за столько напрасно погибшихъ подвиговъ и жизней. До сихъ поръ помню я ту боль, которая отзывалась и въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ, при потопленіи нашего флота, взятіи Малахова кургана; такъ тяжело было всѣмъ, что желали одного: мира во что̀ бы то ни стало, и извѣстіе о мирѣ, какъ онъ ни казался печаленъ для Россіи, повергло насъ въ большую радость: какъ-то вдругъ полегчало, можно было опять жить безъ этого страшнаго гнета.

IV.

Какъ высоко̀, о, человѣкъ, твое призванье—
Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
Есть все въ твоей душѣ, чѣмъ полно міро-
здванье,
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
Щербина.

Я раздѣляю мое дѣтство на два періода. Мнѣ очень трудно объяснить, почему это такъ, но переломъ этотъ ясно мною чувствуется. Первый періодъ носитъ характеръ болѣе интимной жизни, второй — болѣе внѣшней; въ первомъ меня всю поглощала атмосфера душевная, чисто любовная, во второмъ — скорѣе умственная; въ первомъ я жила одною жизнью съ моими близкими и дорогими, во второмъ—я начала нѣсколько обособляться отъ нихъ; въ первомъ вся жизнь моя была одна радость, во второмъ—я узнала и нѣкоторыя душевныя страданія. Я не могу выразить всего этого понятно и толково, потому что тутъ суще-

ствуетъ цѣлый рядъ переходовъ и причинъ, которые не совсѣмъ ясны для меня самой; но грань все-таки была и совпадала приблизительно—съ уходомъ изъ нашего дома m-me Левель, которая всецѣло поглощала меня и держала подъ обаяніемъ нашего теплаго, но замкнутаго внутренняго мірка,—и съ знакомствомъ нашей семьи съ молодымъ художникомъ Николаемъ Осиповичемъ Осиповымъ, который внесъ много новаго и живого въ нашу жизнь. Онъ былъ мой первый учитель рисованія; по его иниціативѣ устроились у насъ знаменитыя „среды", художественные вечера, прототипы позднѣйшихъ „пятницъ" въ академіи и другихъ подобныхъ вечеровъ. Осиповъ былъ очень интересенъ: веселый, остроумный, прекрасный чтецъ, онъ всегда умѣлъ воодушевлять общество. По средамъ въ громадной нашей залѣ ставились длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, освѣщенные лампами съ рефлекторами, и всѣ наши художники садились за работу: кто рисовалъ карандашомъ, кто кистью. Писатели читали тутъ свои новыя вещи, разсказывали, музыканты играли и пѣли. Публики собиралось очень много, но бо́льшею частью все были артисты, и потому эти вечера отличались оживленіемъ, разнообразіемъ, шумною веселостью и вмѣстѣ съ тѣмъ интимнымъ характеромъ. Чудные, незабвенные это были вечера! Еслибы я захотѣла перечислить всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые собирались тутъ, то пришлось бы переименовать всѣхъ выдающихся тогда нашихъ писателей и художниковъ и очень многихъ профессоровъ, музыкантовъ, актеровъ и пріѣзжихъ артистовъ. Тогда было богатое время по отношенію къ талантамъ: если періодъ Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Брюллова (которые всѣ были друзьями отца) миновалъ, то все-таки это было время, когда жили Вяземскій, Одоевскій,—время Тургенева, Писемскаго, Толстого, Майкова, Иванова... Тутъ слышали мы превосходное чтеніе Писемскаго, Тургенева и еще болѣе превосходные разсказы послѣдняго, неизданныя вещи Майкова, Мея, Полонскаго, игру Контскаго, пѣніе де-Бассини, Леоновой и Петрова.

Н. Ѳ. Щербина былъ душой нашего общества. Многіе еще помнятъ вѣроятно этого маленькаго, смуглаго человѣка, съ необыкновенно блестящими, живыми и проницательными черными глазами, помнятъ его остроуміе, его ѣдкія сатиры, но мало кто зналъ его душевныя качества, его трагическую внутреннюю жизнь, тѣ богатыя сокровища любви, которыя таились подъ личиной озлобленія, мало кто замѣчалъ, что въ смѣхѣ его звучали слезы. Чуткая и нѣжная душа, страстное стремленіе къ любви, высокоидеальное представленіе о женщинѣ,—все это было попрано въ

немъ жизнью. Онъ былъ весь точно израненный, весь окровавленный внутри; и чѣмъ сильнѣе подымалась въ немъ боль, тѣмъ веселѣе и ядовитѣе лились его остроты и оглушительнѣе гремѣлъ гомерическій хохотъ его слушателей.

Какъ только появлялся Николай Ѳедоровичъ, всѣ занятія прекращались, художники бросали кисти, старички — карты, дѣти—игрушки, около него образовывался тѣсный кругъ и до утра лились самыя оригинальныя, самыя фантастическія импровизаціи. Тутъ задѣвалась и политика, и литература, всѣ „злобы дня“, рисовались каррикатуры нравовъ, разсказывались уморительные анекдоты, часто о присутствующихъ, но въ нихъ было столько комизма, веселости и добродушія, что никто не обижался. Щербина обладалъ необыкновенной наблюдательностью и способностью схватывать самыя характерныя черты человѣка, обрисовывать личность или кружокъ какимъ-нибудь словомъ такъ мѣтко, что это слово на вѣки прилипало къ охарактеризованному имъ лицу или кружку; но зла, желанья сдѣлать кому-нибудь больно не было въ Щербинѣ, напротивъ, онъ съ сердечнымъ тактомъ умѣлъ разграничивать легкую насмѣшку отъ обиды, когда говорилъ о присутствующихъ. Талантъ этого человѣка выражался главнымъ образомъ въ томъ, что онъ никогда не повторялся, и, множество разъ передавая свои сонники и акаѳисты, умѣлъ разнообразить и варьировать ихъ до неузнаваемости, вѣчно прибавляя что-нибудь новое и совершенно неожиданное. Напечатанныя его вещи не даютъ и понятія о блескѣ его разсказовъ. Все — новости дня, прочитанная вещь, случайно кѣмъ-нибудь сказанное слово, все служило ему темой для нескончаемыхъ импровизацій. Такого хохота, который раздавался между его слушателями, право, мнѣ не случалось потомъ слышать: хохотали до изнеможенья, до боли, а на его лицѣ никогда не появлялось даже и улыбки, онъ говорилъ совсѣмъ серьезно, точно разсказывалъ самыя обыденныя происшествія, и такъ убѣжденно, точно вполнѣ вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; этотъ контрастъ между его выраженіемъ и тѣмъ, что̀ онъ разсказывалъ, производилъ невѣроятно комичное впечатлѣніе, которому способствовало легкое заиканіе Николая Ѳедоровича: выходило какъ бы подчеркиваніе нѣкоторыхъ мѣстъ рѣчи и иногда удивительно кстати. Вообще, это чуть замѣтное заиканіе какъ-то шло къ Щербинѣ.

За этимъ-то игривымъ разсказчикомъ просмотрѣли въ немъ страдающаго человѣка и вдохновеннаго поэта. Щербину, какъ поэта, мало знали, а какъ человѣка — не понимали вовсе. Объ его

сатирахъ всѣ говорили, въ обществѣ его всегда просили разсказать что-нибудь, но только небольшой кружокъ оцѣнивалъ вполнѣ, какъ это дѣлалъ мой отецъ, душевныя качества Щербины и его дивныя антологическія стихотворенія. Въ послѣднихъ, по мнѣнію моего отца, Щербина поднялся на высшія ступени, когда-либо достигнутыя самыми великими поэтами.

Бываютъ личности, къ которымъ всю жизнь судьба несправедлива: къ такимъ принадлежалъ Щербина, и не мудрено, что онъ сдѣлался мизантропомъ. Натѣшивши общество въ продолженіе цѣлаго вечера, выливъ въ насмѣшкѣ всѣ свои тайныя слезы, иногда набравши въ то же время въ душу новаго негодованія, онъ отправлялся въ трактиръ Палкина и тамъ, одинокій и угрюмый, просиживалъ до утра; тамъ онъ работалъ и читалъ, а чаще думалъ свои мрачныя думы. При этомъ онъ пилъ одинъ только чай. Утромъ возвращался онъ домой и ложился спать.

Часто отецъ мой и мать выговаривали ему за такой образъ жизни; тогда онъ открывалъ передъ ними свою наболѣвшую душу, описывалъ свою безрадостную жизнь, всѣ порывы къ тихому личному счастью, всю боль за страдающее человѣчество, всѣ стремленія, которымъ закрыта была дорога, все то, что̀ заставляло его ёжиться отъ людей и уходить въ себя.

Впослѣдствіи душа Щербины нашла себѣ выходъ, хотя и болѣе узкій, чѣмъ можно было думать, судя по его прежнимъ общечеловѣческимъ тенденціямъ, но все-же самъ по себѣ прекрасный: Щербина увлекся изученіемъ народной поэзіи и все съ большею нѣжностью вникалъ въ характеръ русскаго народа. Но и тутъ суждено было нашему поэту остаться непонятымъ. Онъ въ своей любви къ народу не примкнулъ ни къ славянофиламъ,—къ „спиртофиламъ“, какъ онъ называлъ ихъ,—ни къ народникамъ, которые, какъ онъ разсказывалъ, говорили мужику: „ей Богу, Бога нѣтъ!“ — онъ остался и тутъ самобытнымъ и, потому, одинокимъ. То было какъ разъ время конца шестидесятыхъ годовъ, время честное, но жестокое,—и этого увлекающагося человѣка, самого до слёзъ умиляющагося надъ бабой, съ простою вѣрою и слезами ставящей свѣчку передъ образомъ,— обвинили не только въ реакціонерствѣ, но даже въ лицемѣріи. И я подъ давленіемъ времени сдѣлалась причастна къ этому грѣху противъ Духа Святого: я, которую съ дѣтства любилъ Щербина, какъ дочь, я, на свадьбѣ которой онъ поднялъ заздравный кубокъ „за молодыхъ князя съ княгинею“ и сказалъ трогательную, горячую рѣчь; я, которая должна бы хорошо

знать его, могла дать себя настроить противъ него!.. Можетъ быть, чуткій Щербина подмѣтилъ какую-нибудь легкую перемѣну въ моемъ всегда дружескомъ отношеніи къ нему, а можетъ быть и случайно, но онъ послѣдніе годы своей жизни сталъ рѣдко бывать у насъ. Мы, кажется, уже болѣе года не видались съ нимъ, когда услышали, что онъ сильно боленъ. Мужъ мой тотчасъ же отправился къ нему, засталъ его очень плохимъ, почти уговорилъ его сдѣлать трахеотомію, и вечеромъ того же дня отправился къ нему съ проф. Богдановичемъ. Но Щербина не позволилъ сдѣлать операцію, которая, по словамъ мужа, спасла бы его. Въ эту тяжелую минуту онъ еще вспомнилъ о моихъ дѣтяхъ и послалъ имъ изданный имъ сборникъ „Пчела“.

Николай Ѳедоровичъ далъ слово, что если ему станетъ хуже, онъ тотчасъ же пошлетъ за Богдановичемъ, который оставилъ у него свои инструменты. Когда въ ту же ночь припадокъ удушья захватилъ Щербину, онъ не успѣлъ даже позвать своего лакея, и утромъ его нашли мертвымъ на полу... Въ предсмертныхъ мукахъ своихъ, какъ и въ жизни, не встрѣтилъ онъ около себя помощи любящей руки и, какъ жилъ, такъ и умеръ одинокимъ.

Но отъ этихъ, далеко впередъ завлекшихъ меня грустныхъ воспоминаній я должна вернуться къ тому времени, когда въ нашей академической гостиной, среди сочувственнаго кружка, Щербина бывалъ иногда искренно доволенъ, и упомянуть о другихъ извѣстныхъ поэтахъ, часто бывавшихъ тогда у насъ.

Мей былъ человѣкъ недовольный и страдающій, но, въ противоположность Щербинѣ, онъ всегда былъ угрюмъ и молчаливъ въ обществѣ. Говорили, что онъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, что онъ сильно пилъ. Это послѣднее обстоятельство нисколько не умаляло его въ моихъ глазахъ: столько славныхъ людей земли русской пили въ то время! Я, впрочемъ, никогда сама не видѣла никого изъ образованныхъ людей пьянымъ и не знала хорошенько, что̀ это значитъ „пить“; видѣла я подвыпившимъ только Рамазанова въ тотъ день, когда онъ несъ отца моего съ юбилея,—онъ былъ красенъ, веселъ и очень милъ, это было нѣчто отличное отъ того пьянства хорошихъ русскихъ людей, которое представлялось мнѣ какимъ-то непонятнымъ, великимъ горемъ. Мнѣ кажется, Писемскаго можно причислить къ той же категоріи страждущихъ и ушедшихъ въ себя людей, хотя я мало знала его, и, можетъ быть, ошибаюсь. Я помню только его превосходное чтеніе, особенно не напечатанной тогда „Горькой Судьбины“, которая впослѣдствіи на сценѣ производила на меня менѣе впечатлѣнія, чѣмъ при чтеніи автора.

Бенедиктовъ былъ очень друженъ съ моей матерью; его я помню въ раннемъ дѣтствѣ; онъ былъ очень застѣнчивъ и молчаливъ; о поэтѣ Губерѣ я только много слышала, но не видала его. Майковъ, Полонскій, Григоровичъ и Тургеневъ были болѣе уравновѣшенныя натуры, болѣе свѣтскіе люди и всегда были ровны въ обращеніи. Майковъ былъ добрый, ласковый, мягкій, онъ приводилъ все наше общество въ восторгъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ; онъ очень эффектно читалъ.

Полонскій былъ у насъ совсѣмъ свой человѣкъ; одно время онъ давалъ мнѣ уроки русскаго языка и словесности; я съ нетерпѣніемъ ждала его уроковъ, во-первыхъ потому, что они очень занимали меня, а во-вторыхъ потому, что послѣ уроковъ у насъ начиналась самая веселая бѣготня и возня: Яковъ Петровичъ самъ дѣлался ребенкомъ съ нами.

Тургеневъ бывалъ у насъ рѣже и импонировалъ намъ, дѣтямъ; мы съ наслажденіемъ слушали его разсказы, но въ интимности съ нимъ не пускались. Его мужественное лицо, обрамленное бородой и гривой густыхъ волосъ, казалось намъ настолько величественнымъ, что мы иначе не называли Тургенева, какъ „Юпитеръ Сергѣевичъ“.

Изъ болѣе молодыхъ писателей, бывавшихъ у насъ довольно часто, упомяну А. А. Потѣхина и Г. Н. Данилевскаго. Съ послѣднимъ мы, дѣти, были очень дружны; онъ каждый разъ, когда обѣдалъ у насъ, въ сумерки сажалъ насъ около себя и разсказывалъ намъ украинскія сказки. Бывали у насъ и любители-поэты: Розенгеймъ, Алферьевъ, Арбузовъ. Изъ писательницъ — Хвощинская, Жадовская и Т. П. Пассекъ. Горбуновъ начиналъ появляться со своими разсказами. Послѣ войны пріѣзжалъ въ Петербургъ и явился къ намъ Л. Н. Толстой; онъ тогда былъ еще очень молодъ, но его произведенія читались нарасхватъ; онъ уже стоялъ на ряду съ лучшими писателями, а нашъ кружокъ ставилъ его выше многихъ; въ его „Дѣтствѣ“ и „Севастопольскихъ разсказахъ“ вѣяло чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, но такимъ, что̀ находило отголосокъ во многихъ сердцахъ.

Одного только симпатичнаго поэта, моего двоюродного брата, Алексѣя Константиновича Толстого, не видала я въ нашемъ домѣ во время моего дѣтства и познакомилась съ нимъ много позднѣе. Онъ былъ въ ссорѣ со своимъ отцомъ Константиномъ Петровичемъ и не хотѣлъ встрѣчаться съ нимъ, а нашъ милый „дядя Котя“ бывалъ у насъ ежедневно. Они помирились уже передъ самой смертью послѣдняго.

Мать моя была въ дѣятельной перепискѣ съ поэтомъ Никити-

нымъ и иногда читала нашему кружку его теплыя, интересныя письма, а позднѣе и замѣчательныя письма къ ней Шевченко.

Кромѣ воскресеній и средъ, въ другіе дни у насъ тоже постоянно бывали гости: часто къ обѣду приходили двое-трое, а вечеромъ иногда неожиданно собиралось довольно большое общество.

На святкахъ наши друзья дѣлали намъ неожиданные сюрпризы. Бывало, сидимъ мы себѣ спокойно дома; отецъ, по обыкновенію, работаетъ у себя въ кабинетѣ, у мамы въ будуарѣ кто-нибудь читаетъ, мы пріютились тутъ же, въ темной амфиладѣ комнатъ тишина... Вдругъ—звонокъ!... Вбѣгаетъ горничная и, запыхавшись, возвѣщаетъ: „Ряженые пріѣхали"! Залу моментально освѣщаютъ; является нѣсколько паръ масокъ, закостюмированныхъ съ тѣмъ оттѣнкомъ правдивости времени и стиля, которую такъ хорошо умѣютъ придать маскараднымъ костюмамъ художники. Все это наши ежедневные посѣтители, но они долго интригуютъ насъ, пока намъ удается узнать ихъ. На меня (даже и до сихъ поръ) непріятно дѣйствуютъ маски, и я прошу снять ихъ. Начинаются танцы. Я убѣгаю, надѣваю свой сарафанъ, распускаю свою тяжелую косу и пляшу „русскую"; папа̀ импровизируетъ нѣсколько па̀ менуэта; Ив. Ив. Соколовъ изображаетъ балетную танцовщицу, что̀ крайне комично при его долговязой фигурѣ; Рюль показываетъ изумительные фокусы; К. А. Трутовскій остритъ напропалую, за что получаетъ мѣдные гроши... Шумъ, гамъ, смѣхъ и музыка звенятъ въ только-что передъ тѣмъ такихъ молчаливыхъ комнатахъ... Но почему дверь въ гостиную закрыта? Передъ ней начинаютъ разставлять стулья, просятъ публику сѣсть. Раздается звонокъ, дверь растворяется — и передъ нами эффектно освѣщенная живая картина: Фаустъ и Мефистофель! Черезъ минуту картина оживляется; голова Фауста досадливо поднимается съ руки, на которой покоилась:

„Мнѣ скучно, бѣсъ!"
—„Что дѣлать, Фаустъ!.."

—звучатъ слова Пушкина, превосходно переданныя Соколовымъ и въ особенности Осиповымъ (Мефистофель). По окончаніи—взрывъ рукоплесканій, а потомъ, какъ всегда бываетъ, критика, споры... А тетя уже успѣла позаботиться объ ужинѣ. Несмотря на скромное мѣстечко, которое она занимала въ немъ, весь нашъ блестящій кружокъ кажется мнѣ немыслимымъ безъ этой тихой и ласковой хозяйки за столомъ. Она была какъ солнце въ сѣренькій лѣтній день: оно не блеститъ, но все-же свѣтитъ и грѣетъ и безъ него нельзя обойтись...

Иногда такъ же неожиданно пріѣзжали тройки и увозили насъ кататься при звукахъ пѣсенъ и прибаутокъ. Тройки несутся въ перегонку, забрасывая снѣгомъ... „Эй вы, голубчики! Не здѣсь умирать у бочки!“ „Эй вы, милые, съ горки на горку—баринъ дастъ на водку“!—орутъ веселые голоса; бывало, даже ямщики разойдутся и грянутъ какую-нибудь удалую, залихватскую пѣсню...

Весело, широко жилось! Но все было проникнуто простотой, и потому болѣе доступно, чѣмъ теперь. Смѣшно вспомнить, изъ чего состояли наши ужины,—даже на большихъ вечерахъ подавались къ закускѣ: селедки, икра, сыръ, потомъ какая-нибудь ветчина съ горошкомъ, громадная телятина или росбифъ, домашній сладкій пирогъ, изъ напитковъ—S-t Julien или Медокъ въ 60 коп. Но нашимъ гостямъ не требовалось помощи шипящаго шампанскаго для возбужденія въ нихъ веселости и остроумія, и безъ того шутки, тосты, анекдоты, споры, а иногда и пѣсни раздавались за нашимъ столомъ до самаго утра...

Пустая игра, часто и теперь употребляемая подъ именемъ „игры въ мнѣнія“ (у насъ она называлась „цензурой“) являлась въ нашемъ кружкѣ въ высшей степени интересной. Игра состояла въ томъ, что одинъ изъ присутствующихъ, назвавшись какою-нибудь вещью, удаляется; остальные высказываютъ объ этой вещи свои мнѣнія: вернувшійся долженъ выбрать одно изъ этихъ мнѣній и отгадать, кто его подалъ. Всѣ наши писатели принимали участіе въ этой игрѣ. Остротамъ, мѣткимъ характеристикамъ не было конца,—подчасъ зло продергивали другъ друга, но у насъ было принято не обижаться,—каждый давалъ не одно мнѣніе, а десять, двѣнадцать, все это записывалось на цѣлыхъ листахъ,—Щербина былъ неистощимъ, и онъ, и Майковъ, и многіе другіе писали стихами; этихъ эпиграммъ и остротъ набралось бы на цѣлый томъ, еслибы кто-нибудь изъ насъ догадался припрятывать ихъ; это было бы тѣмъ болѣе интересно, что почти всѣ подлежавшіе „цензурѣ“—были извѣстными личностями въ нашей литературѣ и въ нашемъ искусствѣ. Къ сожалѣнію, мы не думали о будущемъ, а въ настоящемъ такъ привыкли къ окружавшему насъ обществу, что во всемъ этомъ не видѣли ничего особеннаго: намъ казалось, что все это всегда будетъ и такъ и быть должно.

Самъ отецъ мой былъ не прочь пошутить и поиграть, въ особенности послѣ его послѣобѣденнаго сна, entre chien et loup. Иногда, серьезные люди, обѣдавшіе у насъ, съ нимъ во главѣ, просто играли съ нами въ „кошки-мышки“, или въ „жмурки“. Отецъ поразительно ловко жонглировалъ пятью мѣдными шарами

и большимъ шнуркомъ съ кистями, который съ неимовѣрной быстротой описывалъ вокругъ его головы всевозможныя фигуры.

Но я слишкомъ увлеклась шуточной стороной нашего времяпрепровожденія и не говорила еще о серьезномъ воспитательномъ значеніи, которое имѣлъ домъ отца моего для нашихъ молодыхъ художниковъ,—а оно, по словамъ ихъ самихъ, было громадно.

Въ то время для поступленія въ академію не требовалось никакихъ дипломовъ; часто поступали молодые люди совершенно неразвитые, чуть-ли не безграмотные и не бывавшіе никогда въ обществѣ. Лишь только отецъ замѣчалъ признаки таланта въ комъ-нибудь изъ нихъ,—сейчасъ ободрялъ его, поддерживалъ и звалъ къ себѣ.

„Притащенный къ вамъ почти насильно товарищами",—разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ,—„дико озираешься на незнакомое общество, сидишь ни живъ, ни мертвъ на кончикѣ стула, а потомъ понемногу начинаешь чувствовать, что ты тутъ не чужой, что ты такой же гость, какъ и всѣ прочіе; не снисходительное покровительство встрѣчаешь къ себѣ, а полное равенство и ласковое участіе. Скоро видишь себя поставленнымъ на одинъ уровень съ людьми, стоящими выше въ сословной и въ художественной іерархіи, и болѣзненное самолюбіе исчезаетъ, какъ-то подымаешься въ своихъ собственныхъ глазахъ. Прислушиваясь къ тому, что̀ говорилось и читалось вокругъ, мы многому научались, а въ то же время рождалась потребность еще бо̀льшаго знанія и развитія. Потомъ самого уже тянетъ въ тотъ кругъ, гдѣ столько интереснаго, гдѣ не унижаютъ человѣческаго достоинства, гдѣ и ты чувствуешь себя *кѣмъ-нибудь*... Вашъ домъ былъ для насъ *школой*, мы тутъ и *образовывались*, и *воспитывались*. Сначала и не опомнишься, а выйдешь отъ васъ уже другимъ человѣкомъ!"

„Домъ графа Ѳ. П. Толстого,—говоритъ Рамазановъ [1]),—и воздухъ котораго, кажется, былъ пропитанъ влеченіемъ къ искусству, былъ постоянно высшею школою для молодыхъ художниковъ, имѣвшихъ счастье бывать въ кругу ученыхъ, литераторовъ, опытныхъ художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ и пѣвцо̀въ, собиравшихся у Ѳ. П. по воскресеньямъ".

Отецъ мой былъ въ высшей степени безпритязателенъ, до крайности скроменъ; онъ всегда стушевывался, давая высказаться другимъ, но всѣ, бывавшіе у насъ, невольно подда-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи художествъ".

вались его очарованію, проникались чѣмъ-то исходящимъ отъ него и сплачивались около него, какъ около очага. Безъ всякаго желанья съ его стороны, его духовная сила сказывалась и въ семьѣ, и въ гостиной.

Моя мать это хорошо понимала—она никогда въ обществѣ не выставляла впередъ себя, а всегда казалась только первой поклонницей и живой помощницей отца. Въ салонѣ мать моя была удивительная хозяйка: глазъ ея былъ всюду; она умѣла возбудить интересъ застывающаго разговора, соединить разнородные элементы, поднять настроеніе общества. „А вѣдь надо правду сказать“,—говорилъ мнѣ Н. А. Сѣверцовъ, когда мы съ нимъ какъ-то вспоминали старину,—„удивительно умѣла графиня возбудить во всѣхъ насъ какое-то поэтическое настроеніе, создать поэтическую атмосферу“.

Въ то время, когда мало читалось на Руси книгъ, общеніе съ людьми образованными, дѣйствительно, имѣло значеніе школы для молодежи, и понятно, какую важность имѣлъ для нихъ такой домъ, какъ нашъ.

Вліяніе отца моего не ограничивалось, однако, этимъ. Кто не зналъ въ то время о борьбѣ, которую выдержалъ онъ за свое искусство, какъ отказался ради него отъ связей и почестей, какъ пробивался шагъ за шагомъ по намѣченному пути, какъ своимъ трудомъ и нравственнымъ достоинствомъ достигнулъ высокаго положенія въ искусствѣ и во мнѣніи общества? Кто не видѣлъ его за дѣломъ, не покладающимъ рукъ съ утра до ночи? Кто не видѣлъ, какъ онъ просто и искренно относился къ каждому ученику, какъ низко снималъ шляпу передъ каждымъ сторожемъ? Какъ просто и гордо стоялъ за то, что̀ считалъ правымъ? Человѣкъ, который поучалъ не словами, а примѣромъ всей своей цѣлостной и стройной жизни, могъ ли не влiять на духъ заведенія, во главѣ котораго онъ находился?

Постоянный упрекъ, который дѣлаютъ академіи того времени, гласитъ, что направленіе тамъ было классическое, „академическое“, что тамъ подражали итальянцамъ; но могло ли быть въ то время иначе? Во Франціи и Англіи только въ 30-хъ и 40-хъ годахъ началъ загораться свѣтъ новыхъ направленій, а къ намъ дошелъ много позже. Лжеклассицизмъ и романтизмъ были историческіе моменты, которые русскому искусству, какъ и всякому, нужно было пережить. Отецъ всю жизнь шелъ не только въ уровень своего времени, но скорѣе впереди его: онъ горячо привѣтствовалъ Ѳедотова, ожидалъ возрожденія искусства отъ картины Иванова, и еслибъ онъ былъ начальникомъ академіи въ 63-мъ году, то

кто знаетъ?—можетъ быть, нашимъ молодымъ художникамъ не пришлось бы выходить изъ нея и основывать свою артель; можетъ быть, академія измѣнилась бы, приняла въ себя свѣжія вѣянія и, оснащенная вновь, гордо поплыла бы во главѣ молодыхъ силъ русской школы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что когда случилась эта исторія, то отецъ мой, восьмидесятилѣтній старикъ, былъ вполнѣ на сторонѣ молодыхъ художниковъ и много разъ говорилъ, что „они правы“, что, „избирая сюжетъ своей картины, художникъ можетъ съ большей свободой и любовью работать и лучше выразить свою мысль“... „Разъ мы видимъ, что прежній способъ не годится,—надо его измѣнить“...

Ек. Юнге.